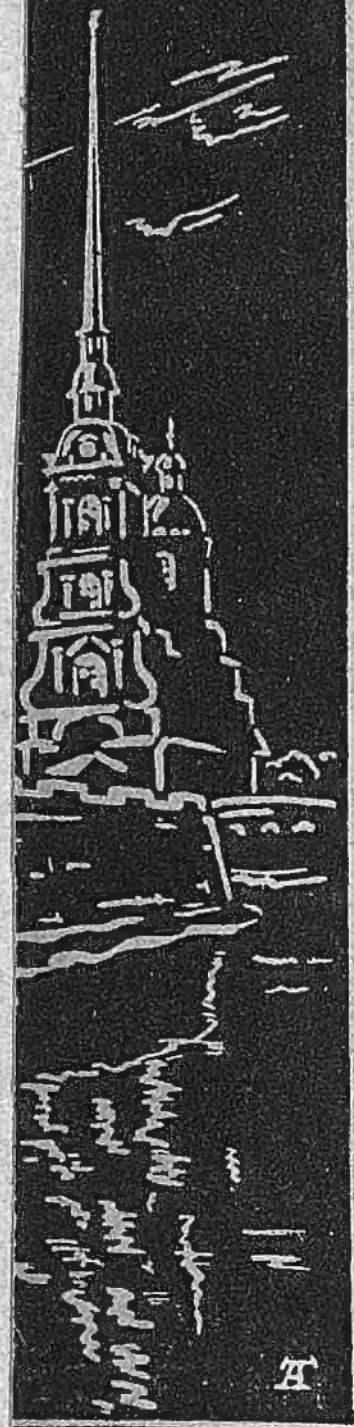
КП
130
К-31

КП
130
К31

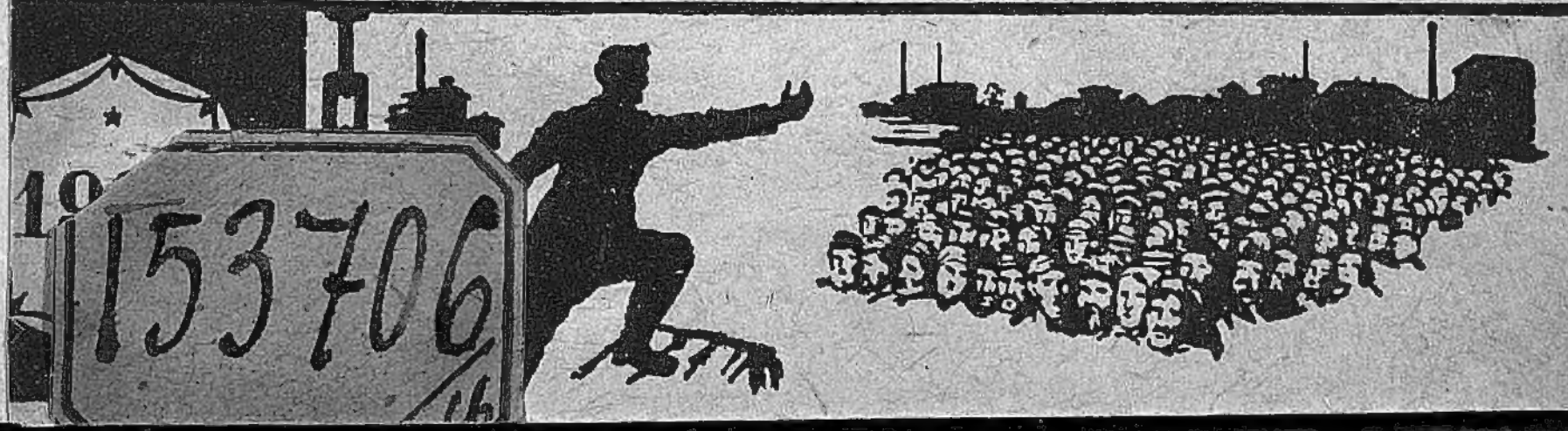
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА



В. КАЮРОВ

ПЕТРОГРАДСКИЕ РАБОЧИЕ В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

ГИЗ-ВО ПОЛИТКАТОРЖАН МОСКВА



153706

Нар. с. фонда

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
по истории революционного движения в очерках, воспоминаниях и биографиях

1930 г. № 19

В. КАЮРОВ

9.303.2.(47.41)

ПЕТРОГРАДСКИЕ РАБОЧИЕ В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 153406
16

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва — 1930

Издательство просит всех читателей сообщить свое мнение, указав достоинства и недостатки настоящей книжки, по адресу: Москва — 34, Лопухинский пер., д. 5

ИЗДАТЕЛЬСТВУ ПОЛИТКАТОРЖАН

Главлит № А 58192 Заказ № 2299 Тираж 7000 экз.

Книжная ф-ка Центр. Изд-ва Народов СССР. Москва, Шлюзовая наб., 10

ПРЕДИСЛОВИЕ

Разгром русской революции 1905 года и последовавшая затем реакция создали эпоху полного разброда ренегатствующей интеллигенции, с одной стороны, и значительную переоценку ценностей в пролетарско-партийной среде—с другой.

На ряду с появлением сборников типа «Вех», где подхалимствующие «оппозиционеры его величества» выражали свой восторг по поводу успокоения «разбушевавшейся стихии» и установления «твердой власти», на ряду с богомольными мистериями Мережковских, Бердяевых, Булгаковых и других юродивых из бывших людей, появились ликвидаторские призывы меньшевиков, пытавшихся доказать несостоятельность методов подпольной борьбы пролетариата, дошедшего до вооруженных восстаний, баррикад, а местами и временного захвата власти.

Всей этой генеральной репетиции грядущего Октября противопоставлялась умеренность и аккуратность установившейся практики западно-европейского реформизма, в авангарде которого стояла германская социал-демократия, постепен-

но отходившая от революционной теории классовой борьбы Маркса к ревизионизму Бернштейна.

По теории эволюции и врастания капитализма в социализм естественно не требовалось подпольных партийных рабочих организаций, и отсюда появилось меньшевистское ликвидаторство, разложившее не только мелкобуржуазные ряды меньшевистской интеллигенции, но в известной степени поразившее рабочее движение крупных промышленных районов.

На фоне черной реакции, поддерживаемой иностранным капиталом извне и буржуазно-дворянской кликой внутри, иначе и быть не могло. Революционные лозунги, выдвинутые 1905 годом, казались надолго похороненными в затаенных мыслях побежденных борцов, ушедших на каторгу и в далекую Сибирь, а зловещий концерт различных могильщиков революции, от Замысловских до Милюковых включительно, при похоронном напеве Мартовых, лишь изредка прерывался далекими отголосками бодрствующих вождей революции, оставшихся верными делу пролетариата.

Вышеописанное вкратце положение длилось пять-шесть лет, пока не грянули выстрелы в далекой тайге. Ленская бойня, угробившая около 1000 шахтеров, похоронила, однако, вместе с бойцами и надежды гг. Макаровых, рассчитывавших на основании существовавшей «практики», что «так было, так будет».

Вторая часть министерской формулы оказалась неосновательной мечтой, вскоре опрокинутой последовавшими событиями.

Об этих всем известных «в общем и целом» событиях рассказывает т. Каюров в предлагаемой книжке. Он это делает не с той целью, чтобы развернуть пред читателем картину, в достаточной степени вскрытую как нашей партийной, так и общей историей последних трех десятилетий.

Нет! Товарищу Каюрову, как непосредственному участнику революции 1905 года и затем работавшему на крупной телефонной фабрике «Эриксон» в Выборгском районе Питера, необходимы отдельные зарисовки пережитых им в 1912—1913 годах событий, чтобы ввести нас в курс рабочего движения, достигшего наивысшего напряжения в 1914 году, когда после предварительных грандиозных забастовок, временами насчитывавших свыше 180.000 участников в обеих столицах,—с прежней силой вспыхнула классовая борьба, заострившаяся до степени, исключающей всякую возможность мирного улаживания конфликтов. Эти столкновения, особенно после систематических отравлений на резиновых и химических фабриках Питера, Риги и забастовок бакинских рабочих в связи с чумой и выселением рабочих из казарм нефтяными королями,—приняли характер баррикадной борьбы, которая при забастовке 150 тысяч рабочих Питера неизвестно чем бы кончилась, если бы по иронии истории на выручку буржуазии и господствующей клике не подоспели события в Сараеве,

а затем и весь маскарад, предшествовавший империалистической бойне 1914 года.

Сейчас, на значительной дистанции во времени, легко понять логику и смысл значительных исторических событий того периода, богатого перворазрядными классовыми боями. Понятно, например, что даже при отсутствии общего большевистского ядра, единственно способного взять в свои руки руководство движением,—отдельные большевистские группы рабочих в разных районах Питера не могли оставаться равнодушными к расстрелам, происходившим на Путиловском заводе, точно так же, как не могли оставаться равнодушными к возможной перевозке бакинских рабочих в столицы, а следовательно, к неизбежной вспышке чумы в Питере и Москве. Эти группы, как это и случилось, должны были апеллировать к массам и призывать их к протесту и борьбе, принявшей колоссальные размеры.

Понятно теперь и отношение меньшевистских прослоек рабочих к указанным событиям. Эти круги, захваченные меньшевистско-эсеровской идеологией легализма и «малых дел»,—перенесли свои методы и в незабвенные моменты острых столкновений рабочих с капиталистами и правительством.

На отравление работниц вредными газами, на расстрелы путиловцев, на чуму и выселение бакинских рабочих меньшевики вместе с эсерами не нашли другого ответа, как... подача петиции в Го-

сударственную Думу о принятии мер к ликвидации чумы.

Эти мероприятия г.г. культуртрегеры предлагали в противовес трехдневной забастовке протеста, предложенной большевистски настроенными группами. Все это настолько понятно, характерно и оправдано последующим поведением центристских элементов, что этому теперь не удивляешься. Могло ли быть иначе?

И все же с громадным интересом читаешь почти беспристрастную, умело скомпанованную летопись участника событий—пролетария-большевика.

Воспоминания т. Каюрова выходят из рамок обычных мемуаров, где неизбежно превалирует автобиографичность. В данной работе меньше всего чувствуется личная роль автора.

Особенно любопытна вторая и главная часть работы Каюрова, повествующая вначале о новом и внезапном упадке революционной волны после июльских баррикад 1914 года.

Начало империалистической войны и патриотический угар оборонцев, во главе с самим Плехановым, поддержавших самодержавие, создали недоумение и растерянность многих рабочих активистов. Так, например, по свидетельству автора, «ярый большевик, — рабочий Филиппов, — введенный в заблуждение поведением Плеханова, задает вопрос автору: «Скажи, не ошибаемся ли мы в нашей тактике по отношению к войне?» и, получив отрицательный ответ, возражает: «Нельзя так утверждать категорически, потому что

обстановка слишком сложна и такой человек, как Плеханов...» и т. д.

Если таково было настроение большевика-рабочего, то что же могло быть с другими кругами рабочих и особенно мелкой буржуазии?

Ответ на это дает автор в последующем изложении событий и в разных зарисовках. На основании цифр, документов, разных распоряжений правительства, а главным образом, на основе собственных наблюдений, автор приходит к мысли, что буржуазия, идеологически стремившаяся к политической гегемонии в Европе, к захвату Дарданелл, к восстановлению «креста на св. Софии» и т. д., на деле увлеклась более существенными для нее вещами, то-есть взращиванием своих капиталов. Мысль эта не новая. Хищничество на поставках для армии, скрытие продуктов широкого потребления с целью спекуляции и наживы сверхприбыли и наконец прямой отказ наивным патриотам губернаторского типа, рассчитывавшим на раскошеливание Кит-Китычей в пользу христолюбивого воинства,—вся эта мерзость, известная нам опять же «в общем и целом», привлекает к себе внимание читателя с новой силой потому, что автор в своем очерке дает этим противоречиям идеологии и практики буржуазии большевистскую трактовку.

Автор доказывает, что военный режим на фабриках и заводах Питера, Москвы и других центров, фактически восстановивший времена крепостного права в отношении милитаризованных ра-

бочих, получил вначале моральную санкцию не только черносотенной Государственной Думы и «общества», но и горе-«социалистов», установивших «бургфриден», вместо классовой борьбы. В течение 1914 и 1915 годов и речи не могло быть о каком-либо протесте против беспощадной эксплоатации в пользу войны и сверхприбыли хищников.

Но вот, под влиянием разгрома на фронте, дороговизны, оставшиеся большевистские кружки, а главным образом, рабочие Выборгскаго района, где у станка работает сам автор, начинают шевелиться. На летучках появляются редкие смельчаки, выступающие перед изумленной аудиторией в присутствии самих управляющих заводами с неслыханными речами на тему «Кому нужна война», а затем все слышнее начинает звучать их негодующий голос протеста.

Рабочая организация, несмотря на провокацию и провалы типографии, также не дремлет. В конце-концов до питерцев доходят и директивы Циммервальдской и Кинтальской конференций. Ленинские «пораженческие» директивы еще не всем ясны. Тут автор приводит любопытнейшие моменты выступлений на подпольных собраниях даже таких людей, как Горький, который, правда, весьма осторожно, но все же в остром вопросе о предпочтении той или иной культуры в связи с возможными результатами войны склоняется к «предпочтению английской культуры» пред «немецкой», этим самым косвенно не отгораживая себя от оборонче-

ства. Тов. Каюров по этому поводу приводит спор телеги с санями. Рабочему все равно, в чей воз его впрягают — немецкий, французский или английский.

По собственным наблюдениям автор, наоборот, доказывает, что с гнусными приемами английских эксплуататоров, напоминающими картины древней торговли рабами, — никакая эксплоатация сравниться не может.

Так или иначе, но мысль автора ясна и вполне понятна нашим читателям. Именно ненависть питерских пролетариев к «союзникам» и их «культуре» помогла им отрезвиться от шовинистического угара «ура-патриотов» и стать обеими ногами на интернациональные позиции классовой борьбы. Только эта последняя и привела к Февральской, а затем и к Октябрьской революции.

Интересно также развертывание автором отдельных эпизодов Февральской революции. Обычно принято думать, что Февральская революция непосредственно началась чуть ли не с голодного «бунта баб», требовавших хлеба.

Однако тот, кто прочтет страницы воспоминаний т. Каюрова, увидит, что и Февраль не являлся случайным, хотя и был вначале стихийно начавшимся с забастовки некоторых фабрик.

Организация, правда, не совсем готовая к событиям, вскоре, однако, овладела движением настолько, что местами сумела даже превратить неизбежные столкновения военных частей с рабочими в братание этих последних и полную изоляцию

полиции, которой под напором рабочих и при «благосклонном нейтралитете» казаков, а местами и при поддержке казаками повстанцев, — ничего не оставалось делать, как прятаться на крышах, откуда производилась пальба. Правда и другое,— что лишь мимоходом отмечено автором. Это та истина, что неподготовленность большевистской общепитерской организации на первых порах победы Февральской революции передала руководство движением элементам, враждебным революции, на более или менее продолжительное время.

Автор возмущен. Как, дескать, могло случиться, что пролитая в первые дни кровь питерцев лишь обагрила путь, по которому околпаченные рабочие и солдаты, угробившие самодержавие,—прошли в Государственную Думу, чтобы выслушать слащавые речи временного правительства во главе с Родзянко.

Но с историей не спорят, а, обобщая некоторые факты и изучая их, кладут в основу дальнейшей политики пролетариата.

Я. ШУМЯЦКИЙ.

ВСТУПЛЕНИЕ

Годы, предшествовавшие империалистической войне, начиная с расстрела рабочих на Ленских промыслах, были годами славной борьбы рабочего класса со своими врагами. Залпы в тайге, сотни убитых и раненых напомнили пролетариату про его рабское существование. Как и следовало быть, первым, почувствовавшим боль, нанесенную рабочему классу, был петербургский пролетариат. Снова, так же, как и после расстрела 9 января 1905 г., забастовки, как эхо, перекидывались с завода на завод, а потом по всей самодержавной Руси. Жить после жесточайшей реакции 1906—1911 годов стало веселее.

«Могуч был тот клич, он и спящих будил,
Старых юными делал, отвагу и бодрость внушал.
И волны катились, послушные зову борьбы»...

Примерно настроение в рабочих массах было таково.

В ноябре 1912 года я приехал в Питер и поступил на завод «Новый Лесснер» в модельный цех.

27 ноября являюсь в мастерскую в 7 часов утра. Смотрю, модельщики стоят у своих верстаков, к работам не приступают. Полагая, что это, может быть, в порядке вещей, я раздеваюсь. Во время раздевания ко мне подошел старик с большой седой бородой (Бугров) и иронически заметил:

— Напрасно, товарищ, раздеваешься!..

— Почему?—спрашиваю, а у самого мелькнула мысль: уж не спровоцировал ли меня кто-нибудь перед рабочими.

— Потому, — говорит старик улыбаясь, — что сейчас мы все забастуем, чтобы поддержать наших депутатов в Думе.

— От этого,—отвечаю,—и я непрочь.

Забастовали. Вышли с революционными песнями на улицу. Одновременно выходят рабочие, главным образом, женщины, с красным флажком с соседней фабрики Невской ниточной мануфактуры и завода Барановского. Конная полиция бросилась разгонять в первую голову лесснеровцев. Рабочие врассыпную, а шумливая колонна женщин с соседней фабрики кричала нам:

— Трусы, полиции боитесь!

От этого крика по телу забегали мурашки, и чувствовалось, как краска стыда заливает лицо. Конечно, в конце-концов и «храбрая» колонна Ниточной мануфактуры была разбита. Но дело не в том, что разбегались от полицейских нагаек, а в настроении, какое наблюдалось у абсолютного большинства питерских рабочих.

На другой день после забастовки рабочие снова на своих местах и спокойно работают, как будто накануне ничего не было. Администрация также ничего не предпринимает. «Славно,—думаю я, — совсем не похоже на то, что было в других районах России, что было в прошлом году»...

Но проходит час или два, от станка к станку передается устная «телефонограмма»: выбрать цехового представителя для выработки устава больничной кассы. Спокойно, не прерывая работы, наметили делегатов. В известный час избранные делегаты от цехов собрались в врытом в землю материальном складе на заводском дворе и, запертые кладовщиком в одном из помещений, приступили к обсуждению проекта устава.

Так просиживали раза два в неделю по нескольку часов. Мастера, конечно, знали делегатов, знали, что собираются, но где—им не было известно. Знала и высшая администрация, но и она «мирилась», потому что мощный подъем 1912 года показал, что уроки реакции не помешали делу борьбы за освобождение рабочих. Администрация по опыту знала, что после каждой реакции рабочее движение раз от разу выступало грознее и грознее, и все яснее вырисовывалась неизбежность новой революции. Учтя это, передовая промышленная буржуазия изменила прежнюю тактику. Вместо открытого полицейского подхода к массам, началась игра в либерализм. Приведу несколько примеров из этой игры. По какому-то поводу в феврале или марте 1913 года делегаты от цехов завода «Новый Лес-

снер» явились к управляющему заводом Старикович с каким-то требованием. Выслушав наши требования, Старикович остался поведением делегатов недоволен. Сделав постную физиономию, он отечески прочитал нам лекцию о необходимости изменения тактики во взаимоотношениях труда с предпринимателями.

— Единственным правильным способом во взаимоотношениях,—говорил он,—является способ, применяемый в культурных странах Америки и Европы, где во взаимоотношениях с предпринимателями рабочие, сами, непосредственно, ни с предпринимателями, ни с администрацией вообще никакого соприкосновения по поводу фабрично-заводских распорядков и конфликтов не имеют, а все требования рабочих проходят через правление союза, все разговоры по всякому поводу ведут с предпринимателями союзы.

Поблагодарив управляющего за совет, делегация ответила, что для русского рабочего предлагаемый метод взаимоотношений неприемлем из-за гонения на профсоюзы, потому что в России профсоюзы влачат жалкое существование.

Еще больший либерализм проявлялся на телефонной фабрике «Эриксон», куда я поступил в конце апреля 1913 года. Помню, на одном из заседаний правления больничной кассы директор фабрики Л. И. Шпергезе гордо заявил, что он сам по убеждениям «анархист», но в силу известных причин вынужден примириться с существующим порядком и ему подчиняться.

— Почему?

— Порядок, хоть какой-нибудь, но порядок...

— Вот,—говорил он,—для примера приведу вам такое положение. Правительство издает распоряжение, кажущееся на первый взгляд ни для кого не нужным: поставить в городе на самом бойком месте столб и сделать на нем надпись: «кто плюнет на столб, тот подлежит смертной казни». Как бы вы, господа, отнеслись к такому распоряжению?

Рабочие ответили:

— Как к явной нелепости.

— Нет,—убеждал директор,—хотя и явно нелепое распоряжение, но нужно подчиниться: дисциплина, порядок прежде всего.

Вся эта философия «анархиста»-директора клонилась лишь к тому, чтобы примирить наши мозги с недостатками в рабочем законодательстве.

Проявлялся либерализм и в другой форме. Многих рабочих, занимавшихся политикой, администрация знала и относилась к ним «лойяльно». Она терпела, когда рабочий проявлял особое рвение к личным интересам. Особенно терпимо относилась к ликвидаторской группе меньшевиков и эсеров. Эти люди, большей частью высококвалифицированные, часто довольно развитые, пользовались и у «Эриксона» особенным почетом; их охотно ставили мастерами, старшими рабочими. Вообще же эриксоновские мастера почти все считались либералами и даже социал-демократами.

Весь цвет ликвидаторства в 1912—1914 годах работал на этой фабрике: Гвоздев, Васильев, Нечаев,

Семенов, Володин, Михайлов; к ним же можно причислить с.-р. Мильчика и много других работников. Но к большевикам отношение было обратное: редко активный большевик мог держаться на фабрике больше года или двух.

Меньшевики, пользуясь своим легальным положением и расположением к себе фабричной администрации, в блоке с эсерами проявили максимум энергии в компрометировании подполья, то-есть большевиков. Последние, находясь на нелегальном положении, не имея таких солидных фигур, как Гвоздев, но крепко спаянные партдисциплиной, поставили своей ближайшей задачей, во что бы то ни стало, отбить ликвидаторскую атаку, разоблачить перед массой их тактику, лишить их влияния на массу. В этой борьбе от большевиков требовалось не только много энергии и такта, но при существовавших полицейских условиях—и большой изворотливости. Прибавьте к этому еще шпионаж и провокаторство, тогда станет более понятным, каких трудов стоило большевикам направить рабочую массу в русло революционной борьбы.

Борьба велась в страшно тяжелых условиях, но и упорству закаленных борцов не было конца. Помню такой случай.

В 1913 году в Питере в помещении Союза металлистов Выборгской стороны были арестованы 31 человек рабочих, большинство которых было членами правления больничных касс.

За время сиденья в полицейском участке, в так называемой «Петровской части», по предложению

тов. Сергея Медведева, была произведена среди сидевших анкета: кто и сколько раз подвергался при самодержавии репрессиям за свою революционную деятельность. В результате подсчета оказалось, что человека три-четыре подвергались репрессиям от одного до трех раз, а большинство от трех до десяти раз. И все-таки не видно было ни разочарования, ни тени сомнения. Иного товарища только проводишь в ссылку, а через месяц-два снова встречаешь его в Питере.

— Что, удрал, Степан, из ссылки?..

— Да, удрал... но я теперь уже не Степан.

И снова работа, аресты и так далее.

В О Л Н Ы.

(1914 год)

„Море клокочет.. Павшим на смену волны несутся...

Как они грозны, как они мощны! С грохотом, ревом в суровые скалы ударят, отскочат назад; снова ударят и, умирая, братьев на помощь зовут.

Крепко скалы стоят, но мрачно. Бесстрашно волны катятся, нет им конца, нет им предела, грозным волнам".

Волны забастовок 1912—1913 годов не прекратились и в 1914 году. Бодрой поступью пролетариат вступил в этот год. Позабылось немного прошлое—реакция, безработица и голод. В годовщину расстрела питерских рабочих, 9 января, 140 тысяч питерских пролетариев отметили этот день забастовкой. Девять лет с момента расстрела, а не забыли они кровавого воскресенья. В столице и резиденции царя, где сотни тысяч преданных войск, жандармов, полиции, чиновников, первоклассных шпиков и провокаторов и прочее; в то время, когда правящий класс направлял общественную мысль на разрешение так называемого восточного вопроса, то-есть на захват Константинополя с его проливами; в то время когда буржуазные газеты не

только подготовляли общественное мнение к войне, но когда правительство усиленно наделяло фабрикантов и заводчиков военными заказами,— в это время питерский пролетариат бастует и этим самым напоминает буржуазному миру, что он, пролетариат, не только не забыл 9-го января, но и снова ведет с царизмом борьбу. Борьба велась не только за улучшение своего положения, но и за то, чтобы протестовать против ура-патриотического настроения буржуазии, чтобы как-нибудь помешать надвигающейся войне.

Выборгский район—революционный район. Десятки гигантских заводов расширялись; строились новые. Десятки тысяч рабочих района выделывали броню, снаряды, мины, патроны, артиллерийские прицелы, аэропланы и прочее. Сотни других фабрик и заводов Петербурга занимались тем же.

— Товарищи, война неизбежна,—волновались некоторые рабочие.—Что будем делать, как реагировать, если она начнется?

Другие отвечали:

— Хоть бы скорее, а там мы им покажем... и уже не будет так, как было в японскую войну!

Настроение, какое наблюдалось в то время среди питерских рабочих, их вражда против правящего класса—показывали, что угрозы рабочих не простое хвастовство. Потому что 140 тысяч бастовавших 9-го января это еще не все. Забастовка 6 тысяч, начавшаяся в ноябре 1913 года на Обуховском заводе, не кончилась к девятому января 1914 года. Не закончились забастовки и

на других предприятиях. Шесть тысяч обуховцев и шесть тысяч лесснеровцев, бастовавших в 1913 году сто один день,—такой факт говорил, что это не только жест.

Но и враги рабочего класса не дремали. Меры пресечения и подавления усиливались.

24 января Петербургский комитет по делам печати наложил арест на рабочую газету «Путь Правды» за напечатание в ней нескольких статей и заметок, посвященных девятому января. То же на следующий номер. Не избежали этой участи даже эсеровские и меньшевистские газеты.

Штрафы, обыски, аресты работников профсоюзов и больничных касс шли один за другим. На культурно-просветительные общества, влачившие и без того незавидное существование, делались налеты.

25 марта произошли массовые отравления работниц на резиновой фабрике «Треугольник». Боясь разоблачений, правительство снова произвело обыск в редакции «Путь Правды». 26-го отравления повторились. 28-го марта произошли отравления на фабрике «Богданова» и 30-го на фабрике «Лаферм» и «Шапшал» [1].

Какие причины вызвали отравления, никому известно не было, так как газетам писать запрещалось. Поэтому приходилось питаться слухами.

---

[1] Отравления на „Треугольнике“, как выяснилось потом, происходили от применения в производстве низкого качества бензина, газы которого отравляюще действовали на рабочих. Отравления же на табачных фабриках „Богданова“, „Лаферм“ и „Шапшал“ правительственная комиссия объясняла психозом.

И без того повышенное настроение в рабочих массах на этот раз не выдержало. В знак протеста 150 тысяч питерских рабочих забастовало, в том числе до 15 тысяч Путиловского завода.

Правительство усилило репрессии, ловило и арестовывало «зачинщиков», одновременно не забывая рабочую печать. 4 апреля снова конфисковали «Путь Правды».

Во время запроса об отравлениях, внесенного депутатами большевистской фракции в Государственную Думу, Дума не давала им говорить, все время заглушая речи ораторов.

На забастовки рабочих союз фабрикантов объявил 70 тысячам рабочих локаут.

С этих дней волна забастовок начала падать, и движение на целый месяц затихло.

Затишье получилось благодаря тому, что рабочий ни копейки не получал за время забастовок. Часто приходилось слышать от рядовых рабочих:

— 1 мая на носу, и летом, вероятно, придется выступать серьезнее: надо к этому времени себе на пропитание подработать.

На самом деле получилось так, как говорили рабочие. 5 мая (по новому стилю) в Государственной Думе начались прения по вопросу о государственном бюджете. Вопрос, с парламентской точки зрения, весьма серьезный, и обсуждение его являлось ответственным. Тратились миллиарды народных денег, из которых, по росписи, изрядная сумма в сорок миллионов рублей значилась на

содержание тюрем. Разгорелся парламентский бой, во время которого пять депутатов-большевиков и так называемые «социалисты» Скобелев, Чхеидзе, Керенский были исключены на 15 заседаний.

По поводу забастовок архиреакционер Пуришкевич в Государственной Думе произнес речь, обвиняя правительство в бессилии в борьбе с агитаторами.

«Сейчас мы наблюдаем удивительную картину, и дни, которые мы переживаем, напоминают 1904 г. Та же эпидемия съездов, самых разнообразных,— политических и профессиональных, открытых и секретных, вплоть до мусульман, который готовится на-днях и который я ставлю в вину нынешнему министру, — тот же рост забастовок, сопровождающихся арестами. Возьмите хотя бы вчерашнее «Вечернее Время» и вы увидите, что, произведя более четырехсот арестов рабочих, власть так и не сумела добраться до организационного комитета. Главари не арестованы, взяты самые серые люди из массы... Когда бастует 5 тысяч человек, это можно приписать случаю, но когда одновременно бастует 150 тысяч и забастовка сопровождается демонстрациями с красными флагами и пением марсельезы, с этим надо систематически бороться, надо находить комитеты и водворять главарей туда, куда Макар телят не гоняет. Между тем в столь острый момент, напоминающий 1905 год, правительственная власть бессильна».

Раздражало рабочих и тайное совещание министров в кабинете Родзянко, на котором рассматривались военные ассигновки и распределялись военные заказы (на это совещание наших депутатов не допустили).

Словом, атмосфера в обществе в начале 1914 г. накаляется, чувствуется какая-то напряженность. Передовые рабочие, чувствуя приближение мировой грозы, прилагали все усилия к пробуждению революционной энергии во всех слоях рабочих масс, чтобы своевременно сигнализировать свою классовую волю. Буржуазные идеологи великолепно это учитывали и очень были озабочены движением.

В мае забастовки возобновились. 6 мая забастовало 3.500 человек, 7 мая — 12.000 человек. Поддержали Питер и Москва. Там за два дня забастовали 21.000 человек.

В ответ на забастовки союз фабрикантов и заводчиков вновь объявил локаут и закрыл до 28 мая следующие заводы:

Металлический	4.000	рабочих.
Дюфлон	700	»
Лангензипен	1.200	»
Вулкан	1.200	»
Зигель	800	»
Тильманс	400	»
Новый Лесснер	1.500	»
Старый Лесснер	800	»
Струк	300	»

Феникс	600	»
Штулер	450	»
Парвиайнен	1.100	»
Вестингауз	400	»
Сименс Шуккерт	1.500	»
Итого	17.950	рабочих.

(Здесь не указан ряд мелких заводов).

14(1) мая забастовало в Питере 250.000 человек, в Москве — 22.000.

Перед грандиозностью первомайской забастовки реакция ненадолго присмирела, да и рабочие были непрочь дать своему карману отдохнуть. Но события не давали отдыха рабочим. Начались новые отравления, теперь уже со смертельным исходом. С 19 по 23 мая на химическом заводе Тентелева отравилось и умерло трое рабочих, а через два дня еще трое были отвезены в больницу. Напряжение в отношениях сторон все обострялось, и ни одна из них ни на шаг не отступала. Кроме того, правительство предало суду семь рабочих Обуховского завода. Эти семь товарищей (водопроводчики) во время забастовки не подчинились начальнику завода, приказавшему им работать, а примкнули к забастовщикам. 1 июня их судили. В ответ на это, в день суда забастовало 100.000 питерских рабочих.

В конце июня в Питере получились смутные сведения о чуме среди бакинских промысловых рабочих. Умерло 13 человек. Вспыхнула забастов-

ка бакинцев. Нефтяные «короли» применили к забастовавшим соответствующие репрессии; началось выселение рабочих из казарм, принадлежавших предприятиям. Эта возмутительная расправа с забастовщиками вконец возмутила питерцев. На заводах организовывались митинги, и несколько предприятий в знак протеста объявили забастовку.

15 июля забастовка продолжается. 16 июля на Путиловском заводе — митинг и расстрел рабочих; 17-го на большинстве заводов было решено объявить трехдневную забастовку, — бастовало 95.000 человек; 18-го столько же и 19-го 130.000 человек.

Забастовка была вызвана желанием выразить протест по поводу каторжных жилищных условий, против репрессий, применяемых в Баку к забастовавшим рабочим, и опасением заноса чумы в Питер. Дело в том, что рабочие знали, что бакинские пролетарии первым долгом потянутся в столицу, знали также антисанитарное состояние города Петербурга.

При обсуждении на заводских коллективах с меньшевиками и эсерами вопроса о продолжительности, а также о форме забастовки голоса разделились: большевики были за двух-трехдневный протест, а меньшевики за протесты на заводских митингах и за петицию в Государственную Думу о принятии срочных мер к ликвидации чумы, а также к изоляции Баку.

Конечно, большинство рабочих знало цену петиций уже с 22(9) января 1905 года; поэтому они

были за двух-трехдневную забастовку. Первые два дня агитация только еще развертывалась. Бастовали разрозненно, и, вероятно, забастовка окончилась бы в два-три дня, если бы не разыгравшиеся на Путиловском заводе события, о которых мы уже упоминали.

Бой разгорелся не на шутку. О спокойной работе не приходилось и думать. Велико было возмущение по поводу расстрела путиловцев. Не буду распространяться о мерах пресечения «смуты», принятых правительством, но о поведении Государственной Думы необходимо упомянуть.

Вопрос о расстреле вся буржуазная печать и думская черносотенная свора всеми силами старались замять. Во-первых, повели целую клеветническую кампанию против членов большевистской фракции, — главным образом, товарища Бадаева, — за разоблачение расправы с путиловцами. Во-вторых, запрос нашей фракции в Государственной Думе о расстреле и также об издевательстве над арестованными в полицейских участках не был признан спешным.

На забастовку рабочих союз фабрикантов снова ответил локаутом, но уже в более решительной форме: почти все заводы Выборгского района были закрыты на «неопределенное время».

Партийный комитет Выборгского района, учитывая всю серьезность положения, в первую очередь призвал меньшевиков и эсеров к единому фронту. Меньшевики и эсеры не могли отказаться, так как это угрожало со стороны рабочих масс

серьезными последствиями. Договорившись о едином фронте, немедленно же организовали стачечный комитет.

Стачечный комитет постановил: 1) в виду того, что стачка может надолго затянуться, товарищи рабочие призываются к спокойствию и выдержке; к заводам и фабрикам без призыва стачечного комитета не подходить; 2) требовать от правительства закрытия в рабочих кварталах на время забастовки торговли спиртными напитками.

Заслушав это постановление на общих собраниях, рабочие вышли с заводов. Улицы на Выборгской наполнились народом. Молодежь, собираясь в отдельные группы, требовала от трактирщиков и содержателей пивных прекращения торговли спиртными напитками. Кое-где трактирщики из боязни прекратили торговлю, а тех, которые не подчинялись, как, например, на Головинской улице, заставляли силой. В другом месте молодежь начала останавливать трамвайные вагоны. Как в том, так и в другом случае полиция при разгоне применила нагайки.

Обозлившаяся молодежь стала опрокидывать трамвайные вагоны. Полиция, испугавшись такого неожиданного оборота, открыла револьверный огонь, стреляя по всем направлениям улиц. Положение с каждым часом становилось все серьезнее. Мирный характер забастовки был нарушен, и это давало правительству повод применять, какие ему заблагорассудится, меры для подавления забастовки.

Уличная борьба возникла стихийно, неожиданно, без руководства партийных организаций и даже стачечного комитета, если не считать отдельных товарищей.

Первая задача стачечного комитета выполнена, а дальнейших директив не имелось. Что делать? Революционной же энергии в районе скопилось достаточно.

Наблюдая за действиями молодежи, я убедился, что она, не получая дальнейших указаний от партийных органов, растерялась и не знала, что дальше делать. Снестись с партийными товарищами, жившими в разных концах района, не было возможности (трамвайное движение к этому времени окончательно приостановилось).

На лужайке между огородами по Языкову переулку лежали двое знакомых мне беспартийных товарищей: столяр Василий Богаченко и токарь завода Барановского — Соколов. Я подошел к ним и тоже лег на траву. Во время разговора к нам подошла группа возбужденной молодежи и весьма резонно начала укорять нас в бездействии. Я в свою очередь спросил их, что они полагают делать дальше... Но ответа не получил. Да, пожалуй, и сам не смог бы ответить, не имея на это директив партии и стачечного комитета. Молодежь удалилась.

— Что же делать? — спрашивают меня товарищи.

— Да вот, — говорю, — можно забаррикадиро-

вать улицу от вторжения полиции и казаков. Есть пила?

— Есть! Идем.

Втроем пробрались огородами на Языков переулок и стали работать. Повалили три телефонных столба, перерубили проволоку и опутали ею весь переулок. Затем тем же путем возвратились на прежнее место. Стоявшая на углу Языкова переулка и Головинской улицы рабочая публика вначале недоуменно наблюдала за нашей работой, а когда догадалась, в чем дело, немедленно появились пилы, топоры, и работа закипела. В течение получаса улица была перепутана так, что даже пешему было трудно пройти, не говоря уже о конных.

Вскоре на проволочные заграждения налетел отряд полиции, стрелявший по всем направлениям и пытавшийся пробиться сквозь устроенные нами заграждения. Но, испытав неудачу, тут же скрылся. Весть о баррикадах на Языковом передалась быстро в другие районы Выборгской стороны. По нашему примеру баррикады возникли по Б. Сампсониевскому проспекту, главным образом, около завода «Новый Лесснер» и «Русский Рено», а также в Полюстрове. Сваливались телефонные столбы; баррикады росли.

К вечеру Выборгская сторона наполнилась полицией и жандармерией как конной, так и пешей. Полиция заняла удобные позиции и стала контролировать все движение по улицам района, так что переход с одной улицы на другую стал рискован-

ным и почти невозможным. Попадавшиеся в руки полиции отдельные рабочие избивались.

Стрельба не прекращалась до ночи. В этой части района (где началась постройка баррикад) казенки с разбитыми стеклами были закрыты, трактиры торговали только съестным и чаем; на линиях валялись трамвайные вагоны, даже спиленные деревья, телефонные столбы, вырванные с корнем, деревянные заборы и тому подобное.

Прошла ночь, а рабочие, не имея директив от партийных организаций и стачечного комитета, не имея газеты, которая дала бы им необходимые указания о происходящем, не могли уже проявить какую-либо деятельность и заняли выжидательную позицию. Наступило видимое спокойствие. Никаких эксцессов в районе не наблюдалось, хотя проволочные заграждения никем не убирались весь день. Только на третий день они кем-то, не помню кем именно, были убраны. На воротах заводов по-прежнему висели объявления о расчете рабочих и закрытии предприятий на неопределенное время. Движение как бы закончилось. В освещении газеты «Новое Время» события происходили таким образом: «Первые столкновения произошли в 8 часов утра по линиям городских трамваев. Забастовщики пытались остановить движение вагонов; в некоторых местах это им удавалось сделать, но не надолго. При появлении полиции забастовщики разбегались, и движение вагонов постепенно налаживалось. Около 9 часов утра толпа рабочих все же успела остановить несколько вагонов на Камен-

ноостровском проспекте и под угрозой избиения отнимала у вагоновожатых вагонные ключи. С большим трудом движение удалось наладить. Разогнанные полицией толпы забастовщиков устремились на Выборгскую сторону и в Лесной. Рассыпавшись на громадном протяжении в несколько десятков верст, они в течение всего дня безобразили (ах, какие канальи! *В. К.)* в разных местах, нападая на отдельных городовых и даже на конные полицейские разъезды, бросая камнями из окон и из-за заборов, останавливая движение вагонов трамвая и т. д. В десятом часу утра рабочие фабрики «Гаванер» в числе нескольких сот человек остановили вагон конки на Безбородкинском проспекте, в окна полетели камни. Пассажиры вышли из вагона, рабочие стали стаскивать вагон с рельсов, в этот момент подоспел наряд конных городовых, который и рассеял забастовщиков. При появлении чинов полиции, в них полетели камни, палки, и несколько человек городовых оказались ранеными. Пока конные городовые разгоняли толпу на Безбородкинском проспекте, было получено извещение о новых беспорядках на углу Нижегородской и Боткинской улиц, где толпа рабочих остановила вагон трамвая, выбила в нем все стекла, сожгла контрольный аппарат и едва не избила вагоновожатого, который протестовал против насилия забастовщиков. На место прибыли конные городовые; с большим трудом они разогнали толпу и возобновили движение вагонов. Отдельные попытки были в разных местах Самп-

соньевского проспекта и на Ньюстадской улице. В это время, когда городовые карьером неслись к месту скопления забастовщиков, из окон верхних этажей в них бросали камни подростки в возрасте 12—16 лет, и таким образом было ранено 10 человек городовых. (В представлении «Нового Времени» у отцов подростков руки «не поднимутся» на городовиков. *В. К.*). Особенно тяжело пострадали городовой 2-го Выборгского участка Щербаков и вахмистр 5-го отделения конной полицейской стражи Лисин, которых пришлось отправить в больницу. Кроме того, пострадало еще 7 городовых. Около часу дня толпа забастовщиков на Выборгской набережной у Сампсоньевского моста остановила вагон трамвая и отняла у вагоновожатого ключ; той же участи подвергся вагоновожатый встречного вагона. Таким образом оба трамвайных пути от Финляндского вокзала оказались загроможденными, и движение вагонов было приостановлено почти на час. Многочисленные пассажиры выражали (выразишься, кому охота пешком ходить. *В. К.*) свое негодование по поводу этих безобразных выходок забастовщиков. Неизвестно, кто распространял среди рабочих слух о том, что на Преображенском кладбище будут происходить похороны рабочих, раненых за Московской заставой во время недавнего столкновения с полицией. Громадная толпа рабочих двинулась на кладбище из-за Невской и других застав; полиция остановила толпу; часть рабочих была допущена на кладбище, и здесь оказалось, что

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ

никто из рабочих не умирал. Напротив, положение всех раненых за Московской заставой настолько улучшилось, что они находятся на пути к полному выздоровлению.

«В девятом часу утра громадная толпа рабочих в несколько тысяч человек успела (рано встает, вот и успевает. *В. К.)* собраться на Лиговской улице у Новокаменного моста. С пением революционных песен она останавливала вагоны трамвая, ломовых и запирала магазины. Толпа дошла до завода «Сан-Галли», откуда вышла новая толпа рабочих и, присоединившись к первой, направилась к Николаевскому вокзалу. Толпу сопровождали в большом числе жены рабочих, которые уговаривали своих мужей бросить демонстрантов и вернуться домой (вероятно, помнят 9 января 1905 года. *В. К.)*. У Кузнечного переулка толпа была встречена (чуяло бабье сердце. *В. К.)* нарядом конных городовых, которые разогнали забастовщиков; из числа полицейских был ранен серьезно околоточный надзиратель; его отправили в лечебницу. Спустя некоторое время, несколько рабочих незаметно подкрались к постовому городовому Киселеву, стоявшему на углу Лиговской улицы и Кузнечного переулка. Ударом камня в голову они сбили его с ног, тяжело ранив.

«Около двух часов дня на Николаевской улице толпу встретил проезжавший на извозчике старший помощник 2 участка Кривенко. Несколько подростков стали бросать камни, при чем ранили его в голову.

«Обыски среди рабочих продолжались и в ночь на 7 июля».

Разумеется, что сообщение «Нового Времени» не полно и касается только первого дня забастовки. На самом деле со стороны полиции потерь было больше. Кроме указанных «Н. В.» пострадавших чинов полиции, были ранены еще несколько высших полицейских чиновников. Со стороны рабочих — за три дня несколько сот арестованных и десятки избитых.

8-го июля злобой дня в Петербурге была забастовка трамвайщиков. Будучи слабо организованными, оторванные от основной фабрично-заводской массы рабочих, эти кадры рабочих не примкнули к забастовке в первый день. Мало того, некоторые из них сопротивлялись, когда забастовавшие рабочие требовали остановить вагоны. 8-го с утра они снова вывели свои вагоны, но в 9 часов утра рабочие электрического цеха прекратили подачу тока. Трамвайное движение по всему Петербургу замерло. До 400—500 вагонов застряло в разных концах города.

Одновременно с восстанием рабочих — в роскошных золоченых залах Петровского дворца, под видом «серебряной свадьбы» (25-летие франко-русского договора) два властелина — президент буржуазно-демократической республики Пуанкаре и самодержец Николай — пили шампанское. Буржуазные газеты писали, как «народ» сердечно приветствовал французских гостей, как происходило «братание народов». Государственная Дума

раболепствовала перед своим императором, желая угодить ему скорым проведением через Думу чрезвычайных расходов на военные «нужды».

Нелишне здесь будет привести характерный случай, происшедший в эти дни «братания народов».

В одном из ресторанов Васильевского Острова французские моряки с корабля, привезшего Пуанкаре, пили русскую водку, а русский либерал произносил за здоровье Франции и присутствующих моряков тосты... В ответ на тосты в зале ресторана громко звучали ура и марсельеза.

За взаимными приветствиями и за «великолепной» русской водкой французские моряки и русский гражданин, произносивший от имени русских «граждан» тосты, запамятовали русскую действительность. Громкие речи на французском языке и марсельеза были необычны для русского уха и, естественно, вызвали со стороны патриотически настроенного русского кабатчика протест.

Энергичное требование со стороны содержателя ресторана заставило матросов и собравшуюся здесь русскую публику покинуть ресторан и выйти на улицу.

Выйдя на улицу и использовав уличную тумбу, как трибуну, они продолжали изливать друг перед другом «родственные» чувства. В это время появился на улице отряд конных полицейских, направлявшийся к месту торжества.

Полицейские, видимо, так же поняли это событие, как и содержатель ресторана, то-есть, что

такие сборища без разрешения начальства могут быть опасны для отечества.

После недолгих пререканий с собравшимися, полиция взяла их в нагайки. Большинство русской публики, зная нравы нашей полиции, разбежалось, а французские граждане сначала недоумевающе посматривали, ежились, когда полицейская нагайка соприкасалась с их спиной. Потом, поняв происходящее, начали энергично защищаться.

Сколько времени продолжалось бы избиение французских граждан, неизвестно. Но в это время появился русский офицер, который своей командой остановил полицейских, так рьяно отстаивающих русскую самобытность, и в «русских» выражениях объяснил, кого они бьют.

— Сукины дети! Разве вы не видите, кого вы бьете? Ведь это гости из дружественной нам державы!..

— Нет, вашблагородь... мы бьем студентов и жидов!..

Объяснив им их ошибку, офицер скомандовал «отставить» и возвратиться по своим местам.

Полицейский отряд недоумевающе, понуря головы, отправился во-свояси, а французские матросы и выступавший от имени русского народа русский либерал, избитые, — некоторые довольно сильно, — направились залечивать раны.

Несомненно, подозрительность к такого рода посещениям империалистов в рабочих кругах Петербурга усиливалась. Напряженность борьбы с буржуазией с каждым днем увеличивалась. Поли-

тическая атмосфера в Европе, в связи с убийством в Сараеве австрийского наследника, вызвала беспокойство. Петербургский комитет нашей партии по этому поводу выпустил прокламацию:

«Товарищи! Кровавый призрак висит над Европой... Царское правительство заявило себя в грядущем конфликте «покровителем и освободителем» славянских народов, но мы здесь видим не покровительство, а лишь жажду захвата новых владений»...

Забастовка уже мирно протекала, заводчики приглашают явиться за расчетом. В это время, как гром в ясную погоду, — война... мобилизация до 43-летнего возраста.

«Видит господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли мы оружие», — говорилось в манифесте царя, объявленном 26 июля 1914 года.

«Товарищи! правительство и буржуазия посеяли ветер — они пожнут бурю», — писали в прокламации большевики на другой день после объявления войны.

Ворота заводов и фабрик открылись, рабочие пришли к станкам, но, под влиянием происшедшего, к работам не приступали. Половина рабочих, призванных на войну, возбужденная, звала остальных на улицу для протеста против войны.

— Трусы, изменники! — кричали остающимся,— предаете нас!..

Рабочие газеты в первый же день объявления войны не вышли. Не вышли они и впоследствии.

Разъяснить совершающееся, направить рабочую мысль стало весьма затруднительно. Получилась полная растерянность, солидарность рабочих в это время нарушилась. Но все же, не приступая к работе, рабочие вышли на улицы.

Улицы полны возбужденным народом. Конные и пешие городовые усиленными нарядами стояли, готовые к бою.

Мобилизованные и не мобилизованные рабочие, как очумелые, ходили по улицам Выборгской с революционными песнями и, встречаясь с толпами каких-то патриотически настроенных граждан, шествовавших под крики «ура», «Боже царя храни», соединялись вместе, и тогда «Рабочая Марсельеза» сливалась с «Боже царя храни».

От такого рода манифестаций полиция растерялась, несколько раз пыталась разогнать, но встречала противодействие с той и другой стороны. В этом хаосе можно было отчетливо подметить только одну характерную и небывалую еще нотку, раздававшуюся со стороны демонстрантов:

— Что же, мы пойдем воевать, но знайте, «фараоны», что после войны мы оружия обратно не отдадим.

Этим лозунгом большевики впоследствии пользовались при проводах на войну своих товарищей.

Так закончилась забастовка, перераставшая было в баррикадную борьбу. И кто знает, что могло бы быть, если бы объявление войны последовало на несколько дней раньше...

* *
*

Этот славный эпизод борьбы рабочих с капиталистами в первой половине 1914 года был затушеван войной. Просмотрев краткую хронику событий за полгода 1914 года, невольно задаешь себе вопрос: кто же руководил движением, какое участие в движении принимали партии, и в чем выражалось это участие?

Наша партия была малочисленна, но у ней было одно преимущество, которого не было у других,— она была последовательно революционна и организационно крепка (рабочие это знали и понимали). Революционное движение рабочего класса шло под руководством большевиков, несмотря на их малочисленность и на сопротивление высокоразвитой ликвидаторской публики. Так, еще в конце 1912 года в модельной мастерской «Н. Лесснера» не было ни одного большевика — члена партии, а течение было большевистское. У «Эриксона» в 1913 году большевиков — активных и организованных — насчитывалось не более десятка: Шверник Н., Назаров Н. Макаров Н., Стопп, пишуший эти строки и несколько других товарищей — на 1500 чел. рабочих.

В борьбе рабочих 1914 года не следует, да и бесполезно искать вождей и героев. Революционная волна шла снизу вверх, и партийному аппарату оставалось давать директивы общего характера.

Выдающуюся роль в движении 1913—1914 года несомненно играла «Правда». Она объединяла вокруг себя рабочих Питера и так умело освещала жизнь страны и главным образом борьбу классов,

что едва ли движение в Питере достигло бы такого размера при отсутствии «Правды». Вождем же она не была. Вождями были сами рабочие, массовики-партийцы. Иначе и быть не могло, так как события часто забегали вперед, предупреждали директивы партийных верхов, в том числе и газету «Правда».

Все конкретные мероприятия технического порядка вырабатывались на фабриках и заводах, часто с меньшевиками и эсерами. После согласования вопрос передавался в районный комитет партии и так далее. Каждое такое согласованное решение считалось обязательным для всех рабочих данного завода. Если же почему-либо эсеры и меньшевики не соглашались, то вопросы переносились на обсуждение по цехам, в среду рабочих, где происходили ожесточенные споры. В большинстве случаев победа оставалась за большевиками, так как ликвидаторы из рабочих, боясь окончательно потерять авторитет среди рабочих, не высказывали до конца свои ликвидаторские мысли. Вот почему и получалась иногда пестрая картина цифр... То бастует 180—250 тысяч, то, при большем сопротивлении меньшевиков и эсеров, — 100—150 тысяч.

О Б Р Ы В

„Замерло море... Не слышно ни смеха, ни песен о прежней свободе, и солнце так тускло светит на небе, а небо так хмуро, так серо кругом".

Вчера боевое настроение, баррикады, желание нанести своему врагу чувствительный удар, а сегодня, в день объявления всеобщей мобилизации, вчерашнюю революционно-настроенную рабочую массу не узнать. По моим наблюдениям, рабочие так растерялись, как если бы случилось большое стихийное бедствие — землетрясение или наводнение.

Грандиозность мобилизации и ее поспешность, масштаб войны с первоклассными государствами наводили рабочую массу на пессимистические мысли: «Значит, опасность велика, если правительство вынуждено мобилизовать до 43-летнего возраста без всякого разбора льгот?!. Значит, правительство не опасается мобилизации рабочих, не нуждается в них?.. Значит, неверны суждения марксистов о доминирующей роли промышленного пролетариата в капиталистических странах».

Так расшифровывались многими рабочими события последних дней.

Вслед за чрезвычайными событиями последовали и другие. В Петербурге и во многих местах объявлено военное положение. Почва исключительно благоприятна для контрреволюции: закрыты рабочие газеты и журналы. Весь цвет так называемого «русского общества» объединился на защиту родины, вся русская печать кричала «ура» русскому воинству: «Мир будет заключен только в Берлине», «Боже царя храни» день и ночь, в течение нескольких месяцев, раздавалось по улицам, церквам, собраниям Петербурга, Москвы и других городов. Профессора и студенты, журналисты и поэты, попы и офицеры, купцы и фабриканты, дворники и парламентарии — все носились по городу, прося у неба помощи и долголетия царю, срывая с отдельных прохожих шапки, а при сопротивлении — их избивали.

„Благослови оружие, господь,
Бесстрашного, в бой идущего солдата,
Чтобы мощью сил сломить и побороть
Врага и супостата“. („Н. Время“).

Это было все, чем насыщен был воздух, все, что разрешалось и поощрялось говорить и... думать.

Было от чего прийти в замешательство, так как еще в манифесте, обнародованном 20 октября 1912 года Английской рабочей партией, говорилось, что английские пролетарии «встают самым решительным образом против тех, кто подстрекает к войне как в Германии, так и в Англии... Война между Германией и Англией приведет к такой катастрофе, какой не видывала еще история»...

В это же время Соц. Бюро Интернационала вынесло резолюцию, в которой тоже говорились очень хорошие слова:

«Необходимо, чтобы пролетариат восстал против воинствующей политики всею мощью своей организованности, всею силою своей массы»...

Французская секция Интернационала заявила на Базельском Социалистическом Конгрессе:

«Французская секция сумеет действовать достойно ее истории и ее революционного духа».

Германо-французский манифест 1/III 1913 года гласил:

«В тот момент, когда правительства Германии и Франции готовят для внесения новые законопроекты, которые еще более увеличат уже и без того громадные военные тягости, социалисты германские и французские считают своим долгом объединиться теснее, чем когда-либо, для совместной борьбы против этих безумных действий правящих классов»...

Даже накануне объявления войны, 27 июля 1914 года, газета синдикалистов Франции «Le Peuple» призывала население Парижа к протесту против темных сил:

... «В 1914 году еще имеются идиоты, призывающие к убийству, резне и к смерти... Дикари!»

И остальные делегации — Италии, Австрии, Венгрии, России, Бельгии и прочие — выражали полную солидарность с постановлением конгресса.

«Война значит то, что на другой день наш очаг опустеет, деятельность народа остановится, заводы

и мастерские будут покинуты; это означает поле, вспаханное снарядами и шрапнелями, засеянное трупами, орошенное потоками крови и заразой.

«Пробил решительный час! Злые силы готовятся праздновать свое торжество. Еще мерцает слабый луч надежды, но он так мал, что необходимо предусмотреть возможность самых худших событий»— оповещала Всеобщая Конфедерация Труда французских пролетариев.

Писал также протесты союз молодежи, союз женщин. Все было поставлено на ноги, но...

Тот, кто мечтал о войне, кому она была нужна, был лучше организован. В Германии еще до мобилизации было объявлено военное положение, следовательно, всякие собрания против войны воспрещались.

Во Франции то же.

А на другой день после объявления мировой войны эти, казалось, непримиримые противники войны изменяли тому, чему еще вчера поклонялись.

Весь Второй Интернационал, за исключением немногих лиц, перешел на сторону войны. Даже гегемоны марксистской мысли — Каутский и Плеханов — стали каждый на защиту своей родины. Таким образом вся свободная мысль попала в плен войне. Миллионы газет и журналов одной группировки ежедневно кричали о варварстве немцев, о гибели культуры и наоборот.

«Почему немцы оказались такими жестокими, бесчеловечными, так легко и презрительно переступившими через общечеловеческую мораль, через

установленные военные нормы, наконец, через международные приличия?» — писали русские либералы, монархисты и другие.

«Нет больше партий. Есть только Франция, вечная, неумирающая, готовая на все, полная своего права и достоинства», писалось и говорилось во Франции.

«Нет больше партий!» подхватывались эти слова французскими социалистами, — потрясавшими еще вчера красными знаменами.

В другом лагере отвечали:

«Германия борется теперь за культуру, свободу и продолжительный мир и не вложит меча в ножны до тех пор, пока не обеспечит себя навсегда от нападения. Германия победит потому, что должна победить; в противном случае Европе грозит состояние варварства», говорилось германскому народу. Так морочили голову германскому рабочему.

Везде, во всех воюющих странах, произносились одни и те же, только в разных вариациях, наглые и лживые слова. Все уголки жизни заполнились этими фальшивыми звуками с призывом спасти «родину» от варваров.

Обману поддалась большая часть социалистов.

Многие социалисты Франции, Бельгии, Германии, Австрии и других стран ушли добровольцами на войну, чтобы встретиться со вчерашними товарищами по партии, чтобы со всей подобающей энергией втыкать в грудь друг другу штыки, а может быть, и просто разбизать друг другу головы ружейным прикладом.

Все пошло на службу войне. Жить оставалось только войной. И, наоборот, — все, что могло противодействовать войне и разложению рабочих масс, с дороги убиралось. Под влиянием кошмарных событий, а также вследствие измены II Интернационала, — рабочие растерялись, потеряли направление и естественно оказались во власти войны и ее организаторов. И они начали интересоваться только войной и жить ее интересами. Словом, получилось в нашей жизни несоизмеримое ни с чем противоречие. Для иллюстрации фальшивого состояния людей всех наций приведу здесь одно из стихотворений английского поэта.

ПЕРВАЯ ДУША.

Я был крестьянином на равнинах Польши.
Я оставил плуг, потому что получилась весть:
Россия в опасности и нуждается в каждом
человеке, чтобы спастись от тевтонов.
И я был убит.
Я отдал жизнь за свободу. Это
я знаю, потому что так сказали
пославшие меня в бой.

ВТОРАЯ ДУША.

Я был тирольцем, пастухом в горах,
Я с радостью оставил мои дела в горах,
чтобы сражаться с жестоким вероломным московитом. И я испустил дух в Польше на казацкой пике.
Я отдал жизнь за свободу Это
я знаю, потому что так говорили
пославшие меня в бой.

Третья, четвертая, пятая и так далее душа — ткача, садовода, служилого люда Франции, Англии,

России, Германии и Австрии — говорили те же слова: «я умер за свободу, так сказали пославшие меня в бой». К тому же, на помощь затуманивающим мозги рабочих выступили с авторитетными суждениями так называемые государственные ученые мужи. Вся пресса была заполнена их суждениями о том, что война, при современной развитой технике, не может продолжаться свыше 3—4 месяцев.

Вот все то, чем могла жить рабочая масса в первые месяцы войны. Мне помнится, как понравилась многим мысль и рассуждения ученых о продолжительности войны, и как многие рабочие за эту мысль ухватились, как за единственное оправдание своего бессилия.

— Ну, что ж,—говорили такие,—три месяца—срок небольшой, подождем конца, а тогда снова возьмемся за борьбу с капиталистами. Не стоит же губить себя, раз война, по мнению ученых, невозможна более трех месяцев!

И другая часть рабочих поддалась обману, искренно поверив сказкам о целях войны, о кознях немцев и о благородных намерениях союзников и России. Иногда такие рабочие травили передовых рабочих. Так, например, на заводе «Эриксон» в столярной мастерской во время работы столяр (эсер) Василий Шашлов, по поводу взятия русскими войсками в Восточной Пруссии немецкого городка, во всеуслышание кричал мне:

— Каюров, а как поживает Василий Федорович (то-есть Вильгельм Фридрихович — немецкий им-

ператор), — тем самым довольно ясно намекая на наши (большевиков) якобы связи с немцами и наше «предательство». Большинство работающих порадовались и приветствовали слова Шашлова смехом, и видно было, как все взоры были обращены на меня, ожидали, должно быть, моего смущения или самооправдания.

Травля продолжалась почти до 1915 года. Под влиянием такого провокационного отношения к большевикам, даже рядом работающие товарищи, не верившие такой клевете, боялись разговаривать с тобою из боязни навлечь на себя подозрения. Правда, такое состояние было в отсталом цехе, в других цехах большевики не подвергались таким издевательствам, но все же указанные настроения довольно ярко характеризуют атмосферу того времени, когда как угодно можно было издеваться над большевиками, ниоткуда не встречая противодействия. Поэтому надо было хорошо знать массы, чтобы преодолеть все невзгоды; надо было иметь много уверенности, чтобы добиться перелома настроения рабочих.

Это, конечно, не был патриотизм, как пытались изобразить буржуазные писаки, русские и иностранные. Это была только растерянность питерского пролетариата, упадочное настроение после неудачного восстания.

Этот период был исключителен по своей трагичности. Он являлся экзаменом. Его нельзя сравнить с катастрофой 1905 года и следующей за ней глубокой реакцией. Тогдашняя реакция наступала го-

раздо медленнее, и революционное движение не уступало своих позиций без боя, а в описываемый момент рабочее движение резко оборвалось. В 1905 году реакция наступала и имела успех только в самодержавной Руси, а в данный период реакция победила без боя во всем мире.

* * *

Однажды рабочий одного со мной завода, старый, активный, твердокаменный большевик, работавший на заводе «Эриксон», по паспорту — Филиппов, задает мне следующий вопрос:

— Скажи, не ошибаемся ли мы в нашей непримиримой тактике по отношению к войне?

Получив отрицательный ответ, он продолжал:

— Так категорически утверждать нельзя. Во-первых, слишком обстановка сложна, а, во-вторых, такие звезды марксизма, как Плеханов, — люди большого ума, — определенно стали за войну.

Так говорил товарищ, ярый большевик. Мне не верилось, что он серьезно так думает, но слишком резкий переворот в событиях, грандиозность его не могли не отразиться на настроении даже таких убежденных членов нашей партии.

* * *

Здесь я ограничиваюсь только Питером и не упоминаю о революционном движении вообще за этот период, так как оно сошло к концу года на-нет. По всей Российской империи до конца 1914 года, не исключая Питера и Москвы, забастовок не замеча-

лось. Тяжело было... тяжелей, чем во времена реакции после 1905—1906 годов.

Нет рабочих газет, профсоюзов и других организаций; отсутствует связь с Центральным Комитетом партии.

Попытки уцелевшей части активистов-большевиков, в том числе большевистской фракции Государственной Думы, восстановить партийную организацию и рабочую печать терпели неудачи. Собравшиеся в ноябре 1914 года для обсуждения волновавших всех вопросов члены Государственной Думы Бадаев, Самойлов, Петровский, Шагов, Муранов и другие были арестованы и сосланы в далекую Сибирь на поселение.

Таким образом все пути развития рабочей мысли были отрезаны. Многим, даже передовым рабочим, казалось, что теперь рабочее движение на долгие годы замрет. Война, военно-полицейский режим, ужасы, творимые на фронте неслыханной до сих пор военной техникой, сметавшей крепости и города, — сковывали наши мозги.

Вот почему выпускаемые большевистской организацией прокламации и воззвания в первый год войны никакого влияния на рабочую массу в районах не оказывали.

Что делать, как изменить и направить рабочую мысль на классовый путь? — стоял вопрос у оставшихся единичных партийцев.

Не будет хвастовством, если я скажу, что всю тяжесть борьбы против равнодушия массы и против натиска оборонческой публики, оказавшейся в не-

сравненно более выгодных условиях, пользовавшейся покровительством и благожелательством правящего класса, приходилось нести лишь небольшой группке непоколебимых, сознательных товарищей. Но борьбу вели с верой в будущее. Ведь классовые противоречия существовали попрежнему, налицо тысячи осиротевших, десятки и сотни тысяч раненых, полное бесправие, — все это делало свое дело. Поэтому пролетарская масса не могла надолго потерять свою революционную сущность. Да и вся история последних десятилетий служит тому ярким доказательством: подъем и упадок рабочего движения чередуются. Так и в описываемый момент сильнейшей мировой реакции: ее ложь и клевета не могли затушевать классовых противоречий. Это понимали уцелевшие большевики, а потому, вооружившись терпением, они повели кропотливую, повседневную, ежечасную борьбу с апатией, охватившей рабочую массу, а отчасти и ее оборонческими увлечениями.

Работать было трудно.

Упадочное настроение в рабочих массах Петербурга было так велико, что прокламация, выпущенная в нескольких стах экземпляров Петроградским комитетом нашей партии, никакого успеха не имела.

Все, начиная от черносотенцев и кончая «революционными трудовиками», рукоплескали дикому истреблению человечества, разрисовывая яркими красками «спасение родины от варваров».

Вот примерная болтовня либеральной профессорской газеты «Русские Ведомости»:

«Удивительнее становится настроение людей. Не плачут они и даже, как бы сказать, не то, что веселее, а в каком-то особенном, не будничном настроении» (из статьи Елпатьевского).

Только присутствие среди рабочих кучки большевиков, всячески противодействовавших ложному понятию о «священном праве войн», удерживало массы от поголовного увлечения войной с «варварами».

— Что, товарищ, от чего лучше помереть, от маленькой «благородной» немецкой пульки или от 16-дюймового снаряда? — приходилось часто ставить вопросы перед своими товарищами по станку или верстаку.

Или:

— Что же, по-вашему, дороже для человека и человечества: Реймский собор, о котором культурные варвары мира глотки свои дерут, или миллионы погибших и искалеченных людей, о которых те же культурные люди пишут в газетах, захлебываясь от радости, если это люди другой, противной стороны, погибшие от наших русских или французских трехдюймовых снарядов?

Пытавшиеся ответить на этот вопрос запутывались в противоречиях.

События развертывались; в войну втягивались новые и новые страны. Вместо обещанных трех месяцев, война все больше осложнялась и затягивалась. Противоречия росли; растерянность

среди рабочих масс тоже. Уже стало заметно, как при новых недоумевающих вопросах взор рабочего повертывался в нашу сторону. Наступил перелом в рабочей мысли, вести интернационалистическую работу стало легче.

Чем дальше, тем больше рабочие задумывались над щедро рассыпаемой во всем мире ложью. Да и как было не задуматься. Каждый «народ» сваливал ответственность за войну на другой «народ», каждый объявлял себя защищающимся.

«Классы обмануть нельзя», — говорил тов Ленин.

Только в начале 1915 года, с получением из-за границы центрального органа «Социал-Демократ» № 33, политическая линия питерской организации большевиков была подтверждена ЦК.

«Социал-Демократ» писал: «Весь II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом... III Интернационалу принадлежит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства, для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма».

Этим самым рядовые партийные работники получили полную моральную поддержку и оправдание линии своего поведения за первые месяцы войны.

Таким образом, благодаря большевистской установке по отношению к войне, пролетарская мысль пролетарских районов Петербурга вполне установилась:

— Война не в наших интересах, война не наша. Но как обстоит дело с крестьянами, чем они оправдывают войну, без сопротивления отдавая свои жизни?

С целью выяснения волнующего вопроса, рабочие, имевшие какое-либо соприкасательство с крестьянами, задавали им ряд вопросов на эту тему. В первое время войны на эти вопросы крестьяне (я имею в виду мобилизованных) отвечали обычной фразой, что война начата не нами, а германцами, и что всем мобилизованным крестьянам после окончания войны надел земли будет увеличен.

Откуда они получили такие сведения о награде, кто морочил им головы, узнать не удалось.

Вскоре эта точка зрения резко изменилась: «Как только кончится война, все казенные и помещичьи земли отберем» — стали говорить крестьяне.

Такой резкий переход в настроении мобилизованных крестьян произошел под влиянием ряда причин. Надеясь так же, как и рабочие, на скорое окончание войны, крестьяне не предвидели разорения своего хозяйства, а поэтому были в первое время настроены более или менее благодушно, охотно верили во все, что говорилось в их пользу. Затем, когда они увидели, что война затягивается, что беспрерывные мобилизации отнимают у деревни трудоспособное население, что мобилизация лошадей и гужевая повинность в корне подрывает сельское хозяйство, — тогда от благодушного на-

строения осталось немного. Конечно, не только под влиянием вышеозначенных причин они изменили свою точку зрения. Целый ряд серьезных поражений русской армии, недостаток снаряжения, задержка выплаты пособий семьям солдат, беспорядки в связи с гужевой повинностью и мобилизацией лошадей на местах (крупные землевладельцы к гужевой повинности не привлекались, лучший их скот оставлялся как заводской питомник) — все это вместе взятое способствовало революционизированию крестьян.

Процесс революционизирования многомиллионной массы крестьян проходил довольно быстро по всей тогдашней «Руси». Благодаря колоссальнейшей переписке между деревней и фронтом, деревней и городом, благодаря беспрерывному потоку людей туда и обратно, все узнавалось и передавалось от одного к другому, от одной войсковой части к другой достаточно быстро. Мобилизованный крестьянин уральской деревни знал от своего соседа, чем живут харьковские крестьяне, и так далее.

Про этот период можно сказать, что никогда еще наш крестьянин не получал такой массовой самообработки, как во время империалистической войны. Если принять еще во внимание, что в миллионные массы призванных на войну вкраплены были рабочие от станка, очень часто с хорошей революционной закалкой, то будет вполне понятно, почему солдатская масса так быстро воспринимала большевистские лозунги, так быстро меняла свои настроения.

Р Я Б Ь

(Экономическое положение страны в начале 1915 года)

Полугода войны хотя и оказалось еще мало, чтобы «наказать коварных немцев», но было вполне достаточно, чтобы крепко над ней призадуматься. Сквозь шестимесячный патриотический туман начали вырисовываться грозные перспективы. Во-первых, уже в самом начале 1915 года продукты первой необходимости — мука, мясо, соль и т. д. — вздорожали на 30 — 50 процентов; цены на топливо также поднялись. Заработная плата увеличилась всего на 5—10 процентов, и, чем ближе к весне, тем ощутительнее стала сказываться нужда. В апреле выявился общий недостаток топлива, главным образом, угля. По официальному докладу Петроградской городской думы значилось, что если не будут приняты срочные меры по снабжению Петрограда углем, то в двадцатых числах апреля возможна остановка трамвайного движения. Правда, с этим вопросом

министерство справилось, отняв у Николаевской железной дороги миллион пудов угля [1].

Не успели в Питере справиться с топливным вопросом, как на сцену выплыл вопрос продовольственный. Вздорожание промышленных товаров и продовольствия наметилось по всей линии, в селах и городах. Какие причины толкают к повышению цен, в особенности цен на продовольствие, сначала для нас было неясно.

«Как это?—размышляли рабочие.—Хлеб, мясо, яйца, масло, сахар, которые Россия вывозила до войны в количестве многих сотен миллионов пудов, теперь остались на внутреннем рынке; всего должно быть достаточно и, стало быть, должно все подешеветь? А на самом деле все дорожает. Может быть вздувают цены торговцы?»

Но чем дальше, тем становилась яснее как роль купца, так и других. Даже в буржуазных газетах начали появляться кое-какие разоблачения не патриотического свойства.

«В целях борьбы с недостатками в снабжении и

---

[1] Кризис угля в Петербурге обозначился, главным образом, потому, что до войны уголь ввозился туда морем из Англии, в количестве до 300 миллионов пудов. Возможность эта, вследствие блокады Балтийского моря, отпала. Но кризис топлива обозначился не только в Петербурге, но и по всей стране, так как, несмотря на увеличившиеся потребности, кроме английского угля, Россия потеряла еще польский. Донбасс же, вследствие мобилизации квалифицированной части рабочих и из-за недостатка крепежного леса, сократил добычу угля. Замена квалифицированной рабочей силы за счет пополнения беженцами, измученными войной, часто полунагими и голодными, не давала производственного эффекта. И к этому надо прибавить спекуляцию вагонами.

все увеличивающейся дороговизной на продукты питания, — писали газеты, — создалась особая комиссия, которая, под председательством министра Кривошеина, обсуждала вопрос о реквизиции на складах и элеваторах хлеба, скрытого владельцами в целях искусственного повышения цен. Хлеба, по данным комиссии, было припрятано до 50 миллионов пудов. Промышленники и хлеботорговцы, прослышав о предполагавшейся реквизиции, заявили протест против постановления комиссии, покушавшейся на «священные основы частной собственности» и на подрыв частной инициативы. Конечно, они оказались победителями, а цены на хлеб продолжали неуклонно расти».

В борьбе с дороговизной участвовало не только правительство, но и общественные организации, городские самоуправления и даже губернаторы... Так, казанский губернатор попытался было ввести таксировку на продукты, но из этой затеи ничего не вышло, ибо торговцы (из чувств патриотических?!) в знак протеста позакрывали свои магазины и лавки.

Попытался приостановить рост цен на предметы питания и ялтинский градоначальник Думбадзе. «К моему великому огорчению, за последнее время цены на жизненные припасы и другие продукты стали подниматься так высоко, что, кажется, дальше некуда итти».

Значит, повышение цен—не случайное явление; оно объяснялось не только желанием отдельных лиц, но крылось в самой государственной системе,

в ее буржуазной сущности. Казалось бы, что, борясь против повышения цен, государственная власть могла бы их урегулировать, если бы того захотела. Но эта борьба была только видимостью. На самом же деле политика была иная: то была политика покровительства торгово-промышленному классу. По газетным и журнальным сведениям можно было ясно рассмотреть всю ложь власти. Дело в том, что банки, в том числе и государственный, начали щедро выдавать под товарные ссуды, в три-четыре раза превышающие ссуды довоенного времени.

Одно дело кричать во все горло: «До последней капли крови!» Другое дело—нутро хищника; оно подсказывало: надо воспользоваться упавшими ценами на предметы первой необходимости, запастись ими на случай скорого окончания войны, а с открытием границ вывезти хлеб за границу.

Вот почему все попытки общественных организаций помешать повышению цен не удавались. К тому же, кто не знает, что из себя представляли такие общественные организации, как городские думы, управы и прочие? Большинство гласных было из торгово-промышленного класса, с прослойкой интеллигенции. Значит, регулирование рынка и таксировка делалась руками той же буржуазии, которая спекулировала.

Даже официальный орган министерства финансов «Торгово-Промышленная Газета» по поводу спекуляции пролила слезу, что спекуляция, мол,

получила широкие размеры, «проникла во все области рыночной торговли, привлекла к себе на службу даже те предприятия и организации которые, казалось бы, должны служить аппаратами, регулирующими торговлю».

Всякие начинания по борьбе со спекуляцией и регулированием рынка приводили к неожиданным результатам, разоблачающим «ура-патриотизм», обнажающим «благородные» цели буржуазии.

Стал достоянием гласности следующий факт: в Москве, при обследовании банковских складов, нашли 300 тысяч пудов скрытого сахара, принадлежавшего члену Государственного Совета члену Центрального продовольственного совещания, гласному Петроградской городской думы графу Мусину-Пушкину.

Триста тысяч пудов в то время, когда на рынке Москвы острый сахарный кризис! Может быть, граф за скрытие понес наказание? Нет, не понес, сахар остался за ним, остался лежать на складах банка.

Приведу еще другой случай. В Харькове угольный голод. Цена на антрацит из-за недостаточного привоза выросла в начале 1915 года до 40 копеек за пуд. Торговлей занимался частник. Вмешательством городской думы кризис был ликвидирован, уголь в достаточном количестве доставлен в Харьков и сдан торговцам по 16 копеек, а в результате торговцы все же продолжали продавать его по 40 копеек.

Может быть их за это наказали?

Нет, дума даже и вопроса об этом не ставила.

Торговцы даже в очередях усмотрели для себя выгоду. Например, в Петрограде была установлена следующая их хитрость: торговцы, имеющие большие запасы товаров, для того, чтобы оправдать ежедневные взвинчивания цен, оповещали своих покупателей, что, дескать, сегодня они продают последнюю, примерно, бочку селедок, керосину или последний мешок муки и т. п., и что отпуск продуктов «в интересах господ покупателей» будет производиться в ограниченном количестве. Этим, несомненно, создавался ажиотаж среди тех же «господ покупателей». Каждый покупатель вымаливал отпустить сверх отпускаемой нормы. Одним словом, «патриотизм» торгово-промышленного мира кое-где так обнажился, что даже услужающим капиталу стало невмоготу. О том, как торгово-промышленный класс приносил свои жертвы на алтарь защиты родины, приведу здесь маленькую картинку из газеты «Волжский Край».

«С ы з р а н ь. Купечество пожертвсвало на нужды войны 4 тыс. руб. Губернатор, от избытка патриотических чувств или по наивности, не поверил сообщению и сам, приехав на купеческое собрание, обратился к купцам с речью:

— Мы, очевидно, не понимаем друг друга. Вы рассуждаете о том, куда девать вам те 4 тысячи рублей, которые вы собрали со всего сызранского купечества. Поймите, господа, что на эти деньги можно поставить только двадцать коек... Среди

вас, здесь сидящих, есть миллионеры, есть люди, обладающие сотнями тысяч, и могут ли эти люди считать, что они исполнили свой гражданский долг, кинув несколько грошей?..

Председатель биржевого комитета Ильин ответил:

— Что же поделаешь, ваше превосходительство, не хотят больше жертвовать.

Губернатор, видимо, все еще не веря своим ушам, обращается с новым увещеванием:

— Я не призываю вас в Мининых... Нет, я только прошу: приютите раненых и больных, положивших здоровье свое на защиту родины. Господа, от вас требуются только крохи. Поймите: бедняки отдали все... своих единственных кормильцев.

Гробовым молчанием ответили купцы, и губернатор покинул собрание, не добившись ничего».

А самарский купец Челышев в городской думе произнес страстную речь: «Думать о мире может кто угодно, но только не русский человек. Наши средства и наше сопротивление неисчерпаемы, а наш активный патриотизм только начинается. Мы должны только уяснить себе, что отечество в опасности. А раз так, мы обложим себя не в два, в три раза, а в 10 раз, если нужно, и создадим то, чего у нас, к стыду вершителей нашей политики, не оказалось для отпора врага».

Еще один факт. 12 февраля 1915 года в Государственную Думу внесен запрос за подписью нескольких влиятельных членов думы — графа Бобринского, Шингарева, Крупенского и дру-

гих—следующего содержания: «Известно ли правительству, что интендантство некоторых армий фронта сдало исключительное право скупки кож от строевых частей армии члену Государственного Совета Я. Н. Офросимову и председателю Витебской губернской управы Карташеву?»

Назначенная следственная комиссия пришла к выводу, что эти «общественные деятели» (читай спекулянты) своей деятельностью принесли государству миллион рублей убытка.

Министерство внутренних дел, рассмотрев это дело, не нашло состава преступления, мотивируя тем, что армейские начальники думали, что сдают подряд, в лице этих деятелей, общественным организациям. Словом, Государственная Дума и правительство к обоюдному удовольствию остались таким мудрым решением довольны. Государственная Дума тем, что она исполнила свой гражданский долг, а правительство тем, что удалось защитить родных по крови. Ну, а кожевенные промышленники тем и другим.

Война также отразилась и на железнодорожном транспорте. Лемке (в книге «250 дней в царской ставке») приводит следующие данные об исследовании железнодорожного транспорта: 120 тысяч товарных вагонов занято было под беженцев, одна треть всех вагонов находилась в распоряжении военного ведомства. Если к тому же прибавить еще расхлябанность железнодорожного ведомства и спекуляцию, станет вполне понятным масштаб разрухи.

К концу 1915 года железнодорожный транспорт так расстроился, что гужевой способ передвижения сделался обычным. За сотни верст тянулись в города обозы. Расстройство железнодорожного транспорта привело к тому, что даже прилегающие к железной дороге города оставались без дров, угля и продовольствия. Нет дров и продовольствия потому, что нет вагонов. Есть вагоны, но требуется «смазка», т.-е. взятка. Иначе говоря, взятка приняла массовый стихийный характер. Тот, кто не мог применять взятку, оставался без вагонов. Взятки не могли, конечно, применять общественные организации, а частник широко ею пользовался. Спекулянты и разного рода дельцы на транспорте проявляли чудеса изобретательности по использованию транспорта.

В то время, когда организации месяцами ждали очереди на вагоны, дельцы получали их без очереди в любом количестве. Были случаи, когда дельцы брали у общественных организаций подряды по доставке тех или иных предметов, принадлежавших общественным организациям. В Харькове арестовали группу дельцов, торговавших документами на право перевозки грузов.

Размеры хищничества на железных дорогах достигли невероятной величины. Так, одних вагонов с углем для Путиловского завода пропало за это время 200 штук. Сначала исчезновение началось с вагона, а потом исчезали целые поезда с углем, продовольствием. Потом, помнится, «пропала» железнодорожная ветка в несколько верст

вместе с подвижным составом. Вернее — деньги, выданные на постройку и приобретение подвижного состава, исчезли.

В документах министерства путей сообщения значится: «В Ригу выдана масса нарядов по группе Б, обеспечивающих город продовольствием», говорится в телеграмме на имя городского самоуправления. На деле же оказалось, что город получил 72 вагона ржи, 6 вагонов пшеницы и 12 цистерн керосина, остальные 600 вагонов куда-то исчезли».

Значит, все железнодорожное движение, за исключением военных грузов, перешло в руки дельцов. Закупленные в Сибири и Монголии скот, мясо, кожа в сотнях тысяч пудов из-за несвоевременного вывоза гибли там же. Гибли в то время, когда, например, в коже страна ощущала острый недостаток.

Одновременно с недостатком топлива и продуктов питания обнаружился и недостаток снарядов для армии. Такой же недостаток выявился и в отношении рабочих рук, в особенности на заводах Донбасса и Урала, вследствие чего добыча угля и железа сильно сократилась. В первом случае, то-есть в недостатке снарядов, правительство нашло виновника в лице военного министра Сухомлинова и Мясоедова, а недостаток рабочих рук решено было пополнить ввозом рабочей силы из Китая и Персии.

Один из главных источников государственного дохода—внешняя торговля—сильно сократился.

Оборот внешней торговли с 2.890 милл. руб. в 1913 году сократился до 2.000 милл. в 1914 году. В 1915 году внешняя торговля должна была сократиться еще более, и, таким образом, правительству ничего не оставалось делать, как проводить внутренние и внешние займы, увеличивать выпуск бумажных денег, что еще более обесценивало деньги. Немалую заботу принесло и закрытие винной торговли, как известно, игравшей в бюджете видную роль (доход от винной монополии составлял около 900 милл. рублей).

Так во всех отраслях промышленности все более и более ощущались недостачи, недохватки нужнейших для страны элементов.

Но, несмотря на недостаток топлива, материала и рабочих рук, прибыль капиталистов росла, как никогда. Революционным слоям рабочих это было хорошо известно, а остальная масса чувствовала рост на своей спине. Эта возрастающая прибыль послужила для нашей партии при агитации хорошим доказательством маскированного «патриотизма» промышленников и разоблачала сущность их лозунга «война до последней капли крови».

Таким образом, за последние несколько месяцев войны экономическое положение страны довольно сильно ухудшилось и не предвещало ничего хорошего.

Началось самое жестокое и бессмысленное расхищение государственного богатства, скопленного многими десятилетиями, богатства, добытого рабочими и крестьянами при крайней их нужде.

Уничтожалось не только то, что производилось «сегодня», но захватывалось и скопленное ранее. Уничтожались—как враждебной стороной, так и своими—целые селения, вытаптывались целые поля посевов, сжигались фабрики и заводы, взрывались мосты, продовольственные склады и прочее и прочее[1].

К этим ужасам следует прибавить собственную глупость царского правительства усугублявшего их. Так, например, по III армии от 9 августа был дан следующий приказ:

...«Теперь же безотлагательно должен быть очищен весь тыловой район армии; для этой цели у всего населения до линии Поддубное-Кобрин-Ливенц-Каменец-Каширск, начиная с передовых окопов, сначала в первой полосе, шириною в 15 верст, потом во второй полосе и далее в третьей должна быть произведена реквизиция скота у беженцев при оставлении ими своих жилищ, а реквизицию

---

[1] Некоторые итоги стоимости войны подведены нашим экономистом М. Павловичем в его книге „Итоги мировой войны". Так, средний ежедневный расход России равнялся:

в 1914	году	10	млн. рублей
„ 1915	„	17	„ „
„ 1916	„	50	„ „
„ 1917	„	66,6	„ „

Или, по опубликованным Центральным Статистическим Управлением данным в книге „Россия в мировой войне", общие цифры, ассигнованные на военные расходы, равняются:

на содержание и снаряжение армии—30 млд. 944 млн.,
на флот—2 миллиарда 57 миллионов,
на пайки семьям—3 млд. 264 миллиона,
беженцам—569 миллионов,
на развитие почтово-телеграфной сети 122.400 т. руб.
на постройку новых железных дорог 369.300 т. руб.

лошадей, повозок и сбруи в конце маршрутов, при посадке на желдорогу для следования внутрь империи.

У жителей, остающихся на своих местах, скот и лошади должны быть реквизированы теперь же».

Таким бессмысленным актом буквально разорялись целые области. К общей разрухе и нищете прибавлялись новые кадры нищих. Слабая и без того сеть железных дорог забивалась беженцами.

Политическое положение

Но беда, как говорит народная пословица, одна не ходит. На ряду с экономическими неполадками в стране, были неполадки и на фронте. Русская армия терпела одно за другим новые поражения. Разгром армии на Карпатах, потеря Польши и так далее — все это в перспективе не давало ни чего утешающего.

Приказом по 11-й армии от 10 марта 1915 года командующий объявляет: «Встречаю маршевые роты укомплектований и отдельных нижних чинов с опущенными головами; вид у людей унылый; одеты небрежно и неряшливо; к строю относятся, очевидно, с полным пренебрежением, команды «смирно» не исполняют, после нее шевелятся. Требую от всех начальствующих лиц постоянно внушать людям, что высокий военный дух требует иметь такой же отличный наружный вид. Головы всем поднять и иметь вид победителей, т. к. победить мы должны, во что бы то ни стало».

Кроме того, что «у нижних чинов унылый вид», кое-где, правда, пока еще только в тыловых частях, начались бунты. Так, командир 8-го армейского корпуса 25 сентября 1915 года доносит царю «... что 18 сентября 1915 года, во время следования со станции Озеряны на этап в Варновичи 78 маршевой роты... произошло среди нижних чинов названной роты явное вооруженное восстание. ...Приговор (расстрел) приведен в исполнение в отношении рядовых Журавеля и Новикова 19 сентября; в отношении остальных приведение приговора (каторга) в исполнение отложено до окончания войны; кроме того, мною подвергнуты 85 нижних чинов той роты телесному наказанию от 70 до 80 ударов розгой».

Чтобы определить настроение солдат, для примера можно привести несколько строк из приказа генерала Брусилова от 25 сентября 1916 года. «К глубочайшему моему огорчению, сейчас узнал, что между ранеными, направляемыми в Садовую Вишню, часть легко раненых в левые руки имеют ясные ожоги, что свидетельствует об умышленном членовредительстве». Здесь не приводятся факты и цифры об умышленно сдавшихся в плен, а также о дезертирах.

Так обстояло дело на фронте. В тылу обстояло дело не лучше.

Министерская чехарда, игнорирование правительством Государственной Думы и вообще «прогрессивно-мыслящей» части «общества», диктатура всяких темных личностей, крепко прижившихся

при дворе Николая II,—все это весьма сильно заставляло находиться в постоянном нервном напряжении не только прогрессивную, но и обывательскую часть населения.

К этому времени в рабочей массе начала происходить переоценка переживаемого. Революционно-настроенным рабочим предоставилась возможность проявлять в той или иной мере деятельность. Так, например, на заводе «Эриксон», в традиционный день 9 января, небольшая группка большевиков решила отдать должное памяти погибших в этот день товарищей. Дело обстояло так.

Во время обеденного перерыва, остановив на лестнице шестиэтажного дома выходивших рабочих, тов. Павел Галанин (работавший на заводе под другой фамилией) выступил с речью, решив пожертвовать собой. Во время речи к нему подбежал управляющий заводом, господин Величко, и, с ужасом схватившись за полы пальто оратора, кричал:

— Остановись, безумец! Что делаешь?!

Тов. Галанин не остановился и, как бы вовсе не замечая управляющего, продолжал свою речь и на приставание Величко крикнул ему:

— Не трогайте мои полы... Не мешайте говорить!..

Все это было совершенно неожиданно для всех, в особенности для представителей правящего класса, в том числе и для управляющего, который, повидимому, был в полной уверенности насчет

патриотизма своих рабочих. Не меньше, чем администрация, дерзостью большевиков были поражены и меньшевики.

Тов. Галанин скрылся и на завод больше не появлялся, но дело, которое он сделал, имело большое психологическое значение.

Значит большевики живы и не только говорят, но и делают.

В других местах, по призыву Петроградского Комитета, день 9 января рабочими отмечен не был.

Прокламации Петроградского Комитета по поводу суда над нашими депутатами Государственной Думы, с призывом к протесту, должного действия в рабочих кругах не оказали, и забастовки по этому поводу не было. Причиной такого поведения рабочих служит то, что они слишком ошеломлены были сложными событиями. Кроме того, наши организации были слишком ослаблены, а патриотические настроения у рабочих еще не совсем пропали.

Наступал пролетарский праздник 1 мая. Петроградский Комитет снова выпускает прокламацию с призывом к пролетариям восстановить международную пролетарскую солидарность. «Грянули первые выстрелы, и дрогнул и зашатался международный союз рабочих», говорилось в ней. Но и эта листовка успеха не имела. Еще не совсем оправился рабочий класс от отравляющей атмосферы лжи и клеветы. И в день международного пролетарского праздника рабочие угрюмо работали у своих станков.

Так было в Питере, в центре революционной мысли. Там, где революционных организаций не было вовсе, или были, но слишком слабые, рабочее движение, в связи с неуклонным расхождением зарплаты с ценами на продукты питания, принимало уродливые формы. Но и в этих уродливых формах правительство усмотрело грозное предзнаменование. Чтобы отвлечь внимание рабочих от истинных виновников войны и надвигающегося голода, правительство пустилось на путь провокации с целью еще большего одурманивания рабочих. Моментально были пущены по всей России слухи о предательстве в пользу немцев целого ряда руководителей русской армии, как-то: Мясоедова, Сухомлинова и других. Вообще все военные неудачи стали приписывать немецко-еврейскому шпионажу. Это не замедлило подействовать, и вскоре уличные толпы громили не только булочные и мясные лавки, но и немецкие и еврейские магазины. Так, в мае московский погром, этот конфуз всеевропейского масштаба, прошел не без покровительства полиции погромщикам.

Экономическое благосостояние рабочих масс с каждым днем ухудшалось. Недостаточность питания и усилившаяся эксплоатация вызывали рост всевозможных заболеваний и увечий. Так, по данным больничной кассы за 1914 г. количество заболеваний по сравнению с 1913 годом значительно увеличилось: на Путиловском заводе на 27 процентов и на Русско-Балтийском на 39 процентов, при чем 1914 год был только первым годом войны,

когда продуктов было еще достаточно. Рост заболеваний объясняется также и тем, что война поглотила до 15—16 тысяч гражданского медперсонала. Недостаточность последнего сказывалась на здоровьи не только рабочих масс, но и вообще малоимущей части населения всей страны. Впрочем, и это бедствие приписывалось коварным немцам и их интригам. Кое-где эти сплетни имели успех. Так, на Прохоровской фабрике в Москве среди рабочих произошли какие-то подозрительные заболевания. В поисках виновников администрация указала на присутствие в Москве немцев. Рабочие поддались провокации и потребовали удаления с фабрики всех немцев. Такое требование подавалось и рабочими ф-ки «Богатырь». Как в первом, так и во втором случае администрация немедленно и охотно согласилась на увольнение.

Между тем начавшееся в Петрограде движение без поддержки не осталось; в целом ряде других городов открыто выявилось недовольство рабочих масс, что приносило немало беспокойства правительственным кругам. Так, в Костроме рабочие одной из фабрик, правда, еще не очухавшиеся от патриотическо-оборонческого угара, все же были вынуждены просить прибавки к зарплате, хотя бы в виде квартирных денег, в чем им было отказано. Возмущенные отказом рабочие решили действовать совместно с рабочими соседней фабрики; по дороге туда они были встречены залпами, при чем было убито 4 и ранено 9 человек. (Это данные официальные, и, конечно, они приуменьшены). В

Иваново-Вознесенске в забастовавших рабочих тоже стреляли, при чем количество пострадавших здесь было уже значительнее (около 100 чел.). Эти случаи сделались предметом обсуждения на заседаниях Государственной Думы и дошли до сведения рабочей массы.

Все эти обстоятельства способствовали пробуждению революционного чувства, и к началу второго года войны в рабочих кругах от патриотического угара осталось очень немного.

Конечно, нельзя сказать, что именно с этого момента и началось рабочее движение. Но все же стало немного легче вести революционную работу среди рабочих. Все попытки меньшевиков-оборонцев привлечь рабочую массу к активной помощи войне кончались неудачей в самом же начале. Даже такая, казалось бы, безобидная кампания, как помощь раненым и семействам призванных в армию, провалилась, так как рабочие отказывались помогать. На заводском собрании рабочих фабрики «Эриксон» тот же эсер Василий Шашлов, который в 1914 году издевался надо мной, на этом собрании, к ужасу оборонцев, выступил против предлагаемых меньшевиками и эсерами экспериментов.

— Товарищи!—говорил он.—Разве нас, рабочих, спрашивало правительство, когда оно затевало войну? Нет, не спрашивало! Разве мы виноваты, что остались вдовы и сироты?

Другой рабочий говорил:

— Разве можно морю народного бедствия помочь нашими грошами? Эта мера, предлагаемая

меньшевиками, есть мера мельника, который горстями таскал землю, чтобы остановить воду в прорвавшейся плотине.

Потом:

— Кто будет распределять собранные средства? Красный Крест? Кто поручится, что эти средства попадут сиротам наших товарищей? Нет, не дадим наших грошей, хотя цель ясна. Не дадим повода думать о нас, что мы за войну, не дадим правительству спекулировать на этом.

А там, где меньшевики очень настойчиво проводили свою линию (например, Сормово), им удавалось собрать только незначительные суммы. Вместо помощи войне, вместо всегражданского объединения, во второй половине 1915 года по всей «Руси» прокатилась волна забастовок. Застрельщиком, по обыкновению, был Петроград. В июне рабочие заводов «Эриксон» и Невского судостроительного устроили так называемую итальянскую забастовку, требуя повышения заработной платы.

Дело обстояло так, что, как ни старались правительственные чиновники, общественные организации, заводчики и фабриканты, так сказать, нормализовать заработную плату, жизнь тотчас же нарушала все их планы. Не успеют договориться хозяева с рабочими о повышении зарплаты, как торговцы, в предвидении этого, немедленно еще более повышают цены на товары. Таким образом, зарплата всегда отставала от роста цен на товары, и такое расхождение достигло к описываемому времени довольно большого размера.

Итак, эриксоновцы забастовали. К ним присоединилось еще несколько заводов, а по истечении трех дней забастовки общество заводчиков и фабрикантов, на основании существовавших законоположений, закрыло на неопределенное время данные предприятия, вернее, объявило локаут почти большинству предприятий Выборгского района. Рабочие завода «Новый Лесснер» (одно из самых крупных предприятий Выборгской стороны) демонстративно вышли с завода. Рабочих не оставили без внимания, — на заводах произошли аресты «зачинщиков». У Эриксона и на Невском судостроительном было арестовано 112 человек, которым предстояла высылка из Питера на все время военного положения; в том числе был и я. Кроме того, некоторые скрывались, благодаря чему избежали ареста, некоторые были уволены. Но так как в забастовке принимала участие и наиболее активная часть рабочих из оборонческого лагеря, то в пылу патриотического чувства, ради сохранения «гражданского мира», меньшевики и эсеры решили обратиться с протестом в Государственную Думу.

Повели переговоры с секретарем Думы Дмитрюковым, которого делегаты не преминули пугнуть новой забастовкой в случае неосвобождения арестованных. Думцы, видимо, не на шутку перепугались за участь «гражданского мира» и, в свою очередь, обратились с ходатайством к градоначальнику, за которым считалось наше дело. Сговорившись с думцами, последний отменил ре-

прессии, применив к нам амнистию, если не ошибаюсь, в связи с годовщиной войны. Так закончилась в Выборгском районе забастовка, вспыхнувшая всего через год после начала войны.

Стало быть, для нашей партии, благодаря предшествовавшим событиям, положение вполне определилось: кризис рабочего движения миновал, туман, навеянный оборонцами, начал проходить,— неизбежность предстоящей революции стала очевидна, а, следовательно, организационный вопрос встал во всей своей широте. Общее же состояние большевистской организации в Питере в описываемый период было таково: на заводах засилье оборонцев и травля большевиков; отсутствие литературы; отсутствие регулярного руководства со стороны ЦК, имелись только одиночки уцелевших товарищей и небольшие подпольные кружки; затем военно-полицейский режим вообще и в частности усиленная деятельность провокаторов, свивших себе гнезда как в ЦК, так и в районах. Вот каковы были условия, в которых проходила деятельность нашей партии в 1915 году. И только благодаря высокой сознательности оставшихся на заводах партийных товарищей, их опыту, их геройски-самоотверженному сопротивлению, организации удалось сломить оборонческие направления в рабочих массах, вернее, сломить ту неподвижность, которой массы поддались со дня объявления войны.

Идея организации Военно-Промышленного Комитета, родившаяся у оборонцев, встретила силь-

нейший отпор со стороны большевиков. Они, в противовес В.-П. Комитету, выставили лозунг «Совет Рабочих Депутатов». Но так как окружающая военная обстановка не позволяла что-либо осуществить в этом направлении, так как рабочая масса еще не была способна отстоять наши начинания, этому лозунгу не было дано нашей организацией надлежащего хода.

При выборах в Военно-Промышленный Комитет большевики дали себя крепко почувствовать, а 27 сентября, в день первого собрания уполномоченных в Военно-Промышленном Комитете, оборонческий блок потерпел поражение, получив на 10 процентов меньше мандатов, чем большевики. С этого момента можно считать начавшимся крушение оборонческих иллюзий и крушение «гражданского мира».

Не лишен курьеза разыгравшийся при выборах уполномоченных в В.-П. К. инцидент на заводе «Эриксон», где, как мы уже говорили, меньшевики имели прочно свитое гнездо.

В день выборов партийные организации мобилизовали все свои силы. Вечером одна из мастерских наполнилась до отказа рабочими. Оборонцы сделали доклад, большевики выступили с содокладом. После больших прений приступили к выборам. Рабочие, увлеченные красноречием оборонцев, а, главным образом, еще и потому, что, как некоторые рабочие объясняли,—«почему не испробовать»,—большинством голосов избрали последних. Меньшевики были довольны.

Наступил момент принятия наказа. Большевики зачитывают свой, оборонцы — свой. Неожиданно для всех, особенно для оборонцев, наказ был принят... большевистский. Оборонцы смутились, предложили переголосовать. Переголосовали, но получилось то же самое. Ораторы оборонцев указывали рабочим на нелогичность совершившегося, но рабочие настаивали на своем. Оборонцы стали отказываться от руководства этим наказом. Страсти разгорелись до того, что меньшевики налетали на большевиков с кулаками. В конце-концов наказ так и остался неизмененным, а правоверные «демократы» наотрез отказались им руководствоваться.

Подобный скандал получился и на заводе «Н. Лесснер».

Проповедуемые меньшевиками и эсерами легальные возможности беспартийные рабочие понимали так:

— Надо использовать легальные возможности, но... работать в них нужно по-большевистски.

Ни попытки правительства, ни старания меньшевиков не могли удержать улетающее из мозгов рабочих масс «патриотическое» настроение, и вся вторая половина 1915 года ознаменовалась рядом крупных забастовок, прошедших по всей России.

В забастовку втянулись и менее квалифицированные заводы и мастерские: «Феникс», «Нов. Парвиайнен» и другие. По поводу этих забастовок главнокомандующий Петроградским военным округом генерал Рузский в своем объявлении выразился довольно недвусмысленно: «Самовольное

прекращение работ в настоящее время равносильно измене отечеству»...

Другие администраторы определенно заявляли, что забастовки устраиваются на немецкие деньги. Кроме этого, были приняты меры пресечения: тысячи рабочих как забастовщики были призваны под ружье. Мало того, были приняты решительные меры к полной милитаризации заводов. Все призванные в армию, но оставленные на заводах рабочие прикреплялись за данным заводом, и всякие переходы с завода на завод, без согласия военных властей, совершенно не разрешались. Этим положением рабочие ставились в полную зависимость от заводской администрации. За малейшую провинность, за проявление инициативы или противодействие заводским порядкам рабочий немедленно отправлялся на призывной пункт. По этому поводу Петроградский Комитет большевиков обратился к рабочим с воззванием, где, между прочим, говорилось:

... «Пускается в ход новое, не испытанное еще средство... 600 рабочих завода «Феникс» сдаются в солдаты, рассчитано 2 тысячи рабочих шрапнельной мастерской у «Парвиайнена». Товарищи! этим не кончится, это только начало. За этими тысячами последуют новые».

Одним словом, обоюдное озлобление росло. Классовое самосознание у рабочих так же неуклонно возрастало. Московские рабочие почти уже освободились от погромных настроений, и их мятежное состояние вылилось в другие, близ-

кие к революционным формы. В сентябре около памятника Пушкину произошли довольно крупные для того времени беспорядки. Дело дошло до баррикад. По сведениям, полученным от приехавшего товарища, дело обстояло так: из трамвайного вагона на Тверской был насильственно высажен какой-то солдат-фронтовик, находившийся в Москве на излечении (солдатам в вагонах ездить строго воспрещалось). На шум, поднятый солдатом, собралась громадная толпа, которая громко протестовала против насилия над солдатом и порицала существующие порядки, установленные городской управой. Явившаяся на шум конная и пешая полиция были встречены возгласами протеста. Полиция открыла стрельбу... Были раненые, а несколько человек убито. Положение приняло угрожающие формы. На помощь полиции пришлось вызвать подкрепление. Публика, среди которой находилось много разных военных чинов, бросилась строить из бульварных скамеек баррикады. Так как полиция получила подкрепление, а у публики не было оружия, победительницей оказалась полиция. Тем не менее этот эпизод явился показателем того, что в массе нарождается недовольство, готовое вырваться наружу даже при самых незначительных обстоятельствах. Правда, инцидент с солдатом произошел на патриотической подкладке, толпа встала на защиту нижнего чина, «защитника отечества», но враждебность к так называемому «высшему обществу» довольно ярко просвечивала.

В Москве дело этим не ограничилось. На заводах к тому времени начались забастовки на экономической почве. К заводским стачкам примкнули и трамвайные парки. В Питере в начале октября тоже забастовали трамвайщики Петроградской стороны и Васильевского острова. Движение развертывалось не на шутку.

Чем дальше, положение становилось все сложнее и сложнее. Правительство было ослеплено борьбой со всяким проявлением свободомыслия, даже если оно исходило из побуждений патриотического свойства. Так, Государственная Дума «за особое рвение по обороне государства» правительством в сентябре была распущена. С протестом против роспуска, по призыву меньшевиков и эсеров, без противодействия со стороны большевиков, выступил петроградский пролетариат. Забастовало до 150 тысяч человек. Малейшие проявления свободного суждения в прессе не допускались. Газеты выходили с белыми полосами, вместо текста.

Экономическое положение страны все ухудшалось. В связи с обесценением рубля и возрастающей дороговизной на продукты, с рынка пропала вся мелкая монета, отпуск хлеба ограничился двумя фунтами (да и этих двух фунтов не всегда хватало для всей массы потребителей). Очереди за продуктами росли необычайно. Кое-где в провинции вводилась карточная система. Добыча угля сократилась почти наполовину. А в декабре в Москве уже был сокращен отпуск электрической

энергии. Дезертирство солдат достигло внушительной цифры — до 200 тысяч человек. Нарастание революционных настроений было настолько очевидным, что Петроградский Комитет нашей партии предпочел обратить свое агитационное острие на ту силу, которая в момент борьбы может дать пролетариату решающий перевес,—на солдатскую массу.

Вот что говорилось в прокламации, распространяемой среди солдат и рабочих в ноябре этого года:

«Товарищи солдаты!

... В ваших руках оружие. Вы — та сила, на спине которой генералы Фроловы жиреют на золоте, покрытом русской кровью, которое притекает к ним из русского и германского казначейства. На вас он рассчитывает, когда грозит расстреливать военно-полевым судом русских рабочих, борющихся за свободу русского народа»...

Так на фоне «гражданского мира» и победы над «супостатом» в 1915 году пробежала рябь гражданского недовольства, знаменующая собой начало конца подслащенной действительности правящего класса, а также и оборончества.

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ

(1915 год и начало 1917)

Так как мне приходится делать обозрение рабочего движения под углом зрения Питера, как основной революционной базы, а также и потому, что в событиях, происходивших в Питере, мне пришлось принимать непосредственное участие, то понятны будут причины, почему я описываю именно питерские события.

Если 1915 год обнажил нашу экономическую и политическую немощь, если под влиянием этого рабочая масса начала переоценивать происходящее и отвернулась от оборонческого болота, перешла из пассивного состояния к более активному вмешательству в государственную жизнь, то 1916 год и начало 1917-го можно определить как продолжение и углубление кризиса, начавшегося в 1915 году.

Могло ли быть иначе?

Почти два года день и ночь мельница войны, не переставая, уничтожала богатства, людей, а конца ей все же не видно. По этому поводу вторая международная конференция (в Кинтале) вновь обратилась к трудовым массам с воззванием:

... «Уложив миллионы людей в могилу, повергнув в горесть миллионы людей, превратив миллионы во вдов и сирот, нагромоздив развалины и разрушив незаменимые культурные ценности, война попала в тупик. Несмотря на горы жертв на всех фронтах, никаких решающих результатов. Чтобы только поколебать эти фронты, правительства должны были пожертвовать новыми миллионами людей.

Ни победителей, ни побежденных, или, вернее, все побежденные, то-есть все изошли кровью, все истощены, — таков итог этой полной ужаса войны».

В 1915 году правящему классу удавалось отвлекать внимание рабочих масс от истинных виновников народного бедствия и направлять их на ложный путь, но в 1916 году таких явлений почти не замечалось.

Если, к примеру, в 1915 году, в день годовщины расстрела 9 января, большевики могли на заводе «Эриксон» только остановить рабочих на несколько минут, чтобы сказать несколько слов в память погибших товарищей, то в 1916 году на том же заводе, в этот же день, большевики и сочувствующая молодежь вступили с оборонцами, не пожелавшими оставить мастерские, в бой. Только после боя, во время которого были с обеих сторон раненые, оборонцы были вынуждены оставить работы и вместе с другими выйти на улицу. И это произошло, несмотря на отсутствие у большевиков агитационной литературы. На другой

день по поводу этих событий т. Шляпниковым была написана прокламация, размноженная от руки М. Г. Павловой в нескольких десятках. В виду того, что прокламации и ее копий, написанных М. Г. Павловой, в архивах не найдено, я приведу краткое содержание ее на память:

«День 9 января является для питерского пролетариата традиционным днем, каким для парижского день 26 июня... В этот день пролетариат Парижа в знак протеста против расстрела своих братьев бросал работу и также чтил память погибших товарищей»...

Дальше говорилось, что появились в среде рабочих товарищи во главе с Гвоздевым, которые ради войны предлагают забыть этот день и ведут предательскую работу.

В годовщину 9-го января питерский пролетариат настойчиво выступил с протестом на улицы Питера в количестве до 70 тысяч человек. При чем на Выборгской дело не обошлось без столкновения с полицией.

70.000 передового рабочего класса, участвовавшие в забастовке в момент военно-политического террора, — это в достаточной степени рисует революционное настроение в рабочих кварталах Питера; к концу это настроение стало общим для всей страны. На смену экономическим появились политические забастовки. Если рабочие того или иного завода подвергались за забастовку репрессиям, то это часто вызывало забастовки сочувствия и протеста на других заводах и в других

районах Питера. В феврале на Выборгской стороне бастовало несколько заводов по поводу применения к путиловским рабочим репрессий за предъявление администрации экономических требований. Тысячи путиловских рабочих были призваны, в наказание за забастовку, на фронт, а некоторые мастерские были закрыты. В марте забастовки по этому же поводу повторились. К этому времени и московские рабочие проявили свои чувства классовой солидарности. Например, в марте забастовало несколько заводов в знак протеста против предания военному суду трамвайных рабочих, забастовавших в сентябре 1915 года.

Не остался неотмеченным питерцами и день ленского расстрела, но день первого мая пришелся на воскресенье и ничем отмечен не был. За этот период по России непрерывно катилась волна забастовок, возникавших, главным образом, на экономической почве. Правда, забастовки 1916 года не отличались таким упорством, как в 1912—1914 годах, так как в этих забастовках участвовало большое количество мелких ремесленников: портных, сапожников, шорников, булочников, кожевников, а также текстильщиков, где преобладал женский труд. Основной же кадр заводских рабочих, скованных на заводах военным режимом, находившихся на учете, как уже призванные, — был в выжидательном состоянии, выступая только в особо важные моменты.

Средняя продолжительность экономических забастовок за военный период равнялась пяти дням,

Если исключить из этого числа грандиозные июньские и июльские забастовки на Выборгской стороне Петрограда в 1915 году, тянувшиеся до десяти дней, путиловскую забастовку в 1916 году и ижорскую в 1917 году, то средняя еще понизится. Из этого ясно, что даже питерские забастовки военных годов не могли, ни по продолжительности, ни по своему упорству, равняться со стачками 1912—1913 и начала 1914 годов. Тогда, до войны, на некоторых заводах Питера забастовки тянулись месяцами. Так, на заводах Геслера, Эриксона они продолжались до 1½ месяцев, на заводах Лесснера — на одном свыше месяца, а на другом свыше трех месяцев; то же самое и на Обуховском заводе. Единственным исключением за время войны являлась забастовка 20.000 рабочих Брянских заводов.

Удержать от выступлений рабочий класс становилось весьма затруднительным, и забастовки возникали по малейшему поводу. Так, например, питерское самоуправление повысило на одну копейку цену трамвайного проездного билета. И это повышение на копейку даром не прошло, — в знак протеста в Питере забастовал завод Семенова. Этот случай не единичный. На Сердобольской улице Выборгского района содержатель бань тоже надбавил копейку за мытье, с пяти до шести коп. Протесты посещающих баню против повышения не помогли. Тогда рабочие, возмущенные постоянным ростом цен вообще, — и в особенности «банной копейкой», — помывшись разбивали шайки,

из которых мылись. И так в продолжение нескольких дней; содержатель бань едва успевал снабжать их новыми шайками. Более сознательные товарищи направляли внимание таких товарищей на более серьезные моменты.

Два последних описываемых протеста отнюдь не вызывались крайней необходимостью, а лишь говорили о недовольстве и возмущении неорганизованной части рабочих. Такого рода выступления объясняются еще тем, что к этому моменту острота дороговизны начала уступать место другому, более острому бедствию — недостатку товаров. Чтобы получить муку, сахар и другие предметы, приходилось стоять в очередях по суткам, даже у кооперативов. Это — при организованном порядке, при наличии сети кооперативов и распределителей, покрывавшей рабочие кварталы.

Если в 1915 году небольшая последовательно-революционная группа вела интернационалистическую работу, то в 1916 году революционеры, в особенности в рабочих кварталах, приобрели десятки тысяч помощников в лице женщин, на которых ярче всего отражалась экономика того времени. В особенности яркое проявление недовольства существующим положением можно было наблюдать на Выборгской стороне.

Десяток тысяч работниц, работавших на фабриках и заводах Выборгского района, были слабо организованы, больше эксплоатировались и хуже оплачивались, чем мужчины. Поэтому на них на

первых отражались дороговизна и недостатки продовольствия.

Работая на заводе или фабрике, работница после десятичасового труда была вынуждена стоять столько же в очереди, чтобы получить кусок хлеба. Еще в первое полугодие 1916 года можно было, постояв в череду, получить кусок хлеба, а уже во второй половине кризис настолько усилился, что хлеба не всегда хватало.

О мясе и говорить не приходится. Сотни людей стояли в очереди за кониной, которая также к концу года исчезла. Так нарастал кризис, а вместе с ним росло озлобление против войны и правящего класса. Но озлобление росло не только в среде женщин-работниц или солдаток, — все женщины, главным образом жены рабочих, также чувствовали «прелести» переживаемого момента.

Поэтому и приходится подчеркнуть ту большую революционную заслугу женщин, которую они оказали нашей партии. С их помощью большевикам удалось сбить с оборонческих позиций меньшевиков и правых эсеров.

Поэтому в Военно-Промышленном Комитете меньшевики, увидев всеобщее озлобление, изменили свою тактику — и в начале 1917 года заговорили иным, несвойственным им языком. Но было уже поздно; рабочие окончательно перестали поддерживать оборонцев.

Тысячные очереди около лавок и разных распределителей создавали такую непреодолимую оппозицию ко всему совершающемуся, что всякое па-

триотическо-оборонческое выступление среди женщин было совершенно невозможно. Пишущему эти строки приходилось наблюдать и слышать, что пытавшиеся оправдать действия правительства и войну встречали со стороны женщин резкий отпор. Революционизирующее действие женщин влияло также и на семью, главным образом на мужей или братьев.

Помимо этой силы, резко начала проявляться другая — молодежь. Постоянные мобилизации молодежи, включительно до 18-летнего возраста, толкнули ее на более активный путь. Самые беззаботные, казалось, юнцы не могли не задуматься над совершающимися событиями, темной тучей окутавшими всю жизнь страны. Миллионы погибших на войне, миллионы калек и столько же таких, которых ждала подобная участь, толкали молодежь к активности.

На заводах среди большинства было не лучшее настроение, чем у женщин. По заводу, точно тень крепостника, разгуливала заводская администрация. Всякому мыслящему рабочему казалось, что у администрации вот-вот вырвется грозное: «отдать его, мерзавца, в солдаты, бить его, каналью, батогами». Все вместе взятое приближало рабочих, женщин и молодежь к нашей партии, заставляло внимательно прислушиваться к ее голосу.

Еще в 1915 году на заводе «Эриксон» образовалось два нелегальных кружка исключительно из молодежи, к которым я имел близкое касатель-

ство. На всех остальных заводах Выборгской было то же самое.

По вовлечению молодежи в революционное движение большую работу проделал нелегальный «Красный Крест», деятельность которого захватила некоторых активных рабочих. Так, на Выборгской лакировщик завода «Эриксон» И. Смирнов [1], именовавший себя левым эсером, в этой работе «Красного Креста» проявлял необычайную энергию.

Средства собирались путем концертов, лекций, а также постановок в Тенишевском училище пьес, в которых имелись только намеки на борьбу с насилием. Но и этого молодежи было достаточно, и она загоралась революционным пламенем.

Нарастание революционной энергии во всех слоях рабочих масс шло снизу, и никакие уловки врагов не могли помешать росту и влиянию нашей партии.

Хуже было финансовое положение нашей организации. Многочисленные аресты, а следовательно, и связанные с этим расходы, а также постановка техники, издания листовок и газет, провоз из-за границы нелегальной литературы, — все это, вместе взятое, требовало больших расходов. Помимо членских взносов, приходилось прибегать к некоторым манипуляциям финансового характера. Так, например, размноженные фотогра-

---

[1] Смирнов называл себя эсером, но во всех практических вопросах шел с большевиками: он никогда не отказывался от распространения большевистской литературы, на собраниях выступал в унисон с большевиками.

фические карточки арестованных членов нашей партии, депутатов Государственной Думы, продавались на заводах и фабриках от 25 до 50 копеек. За прочтение нашей заграничной литературы приходилось брать с зажиточной публики от 5 до 10 рублей, переизданную брошюру А. Коллонтай «Кому нужна война» распродавали среди рабочих.

Дело не обходилось без курьезов. Зная, что некоторые интеллигенты непрочь при удобном случае называть себя большевиками, многие товарищи, главным образом Д. А. Павлов, надумали их использовать. Дело было так.

Тов. Павлов, имея большие связи с ними, решил их обойти с предложением дать ночевку для представителя Цека (имея в виду Шляпникова. *А. К.*). Павлов после обхода рассказывал: «Являюсь к Н., с которым дружил, и после нескольких минут приятельской беседы на общие темы начались рассуждения о новостях партийной жизни. Ответив, что дела идут у партии ничего, что есть литература и так далее, я, наконец, объяснил причину посещения.

— Дело, — говорю, — в том, что нужно устроить на пару дней приехавшему из-за границы представителю ЦК партии пристанище.

— О-о, знаете, Дмитрий Александрович, этого я сделать не могу, за мной слежка, — отвечает Н.».

Тогда т. Павлов по заранее намеченному плану с возмущением упомянул о тяжелом и безвыходном положении работника ЦК. Ночевать негде, де-

нег нет, выкупить литературу нечем, а товарищи только разговорами занимаются и ничем партии помочь не хотят.

— Как, и денег нет? — удивленно спрашивает Н. — А сколько нужно?

— Денег много надо.

— У меня есть сто рублей.

Люди, называвшие себя «большевиками», откупались, лишь бы не дать ночевки нелегальному товарищу.

Таким образом т. Павлов в один вечер набрал двести рублей, которые и были переданы т. Шляпникову.

Вот почему некоторые товарищи часто попадали на ночевки к таким людям, у которых бывать не следовало.

В правительственных кругах царила растерянность, министры часто менялись, воровство и взяточничество чиновников процветали. Промышленники на казенных поставках наживали громадные деньги, в армии дезертирство приняло угрожающие размеры, грабежи и мародерство тоже. Железнодорожный транспорт расстроился, так что не мог регулярно обслуживать не только тыл, но уже и армию. Правительству, чтобы снабдить Петроград продуктами, приходилось несколько раз останавливать на Николаевской железной дороге пассажирское движение на 7—8 дней.

Таким образом наличие революционных предпосылок стало очевидно для каждого мало-маль-

ски мыслящего человека. Учтя эти обстоятельства, питерская организация нашей партии, впоследствии подкрепленная достаточно солидными силами в лице товарищей Шутко и Молотова, взяла курс на организационные вопросы, главным образом на собирание революционных сил, на связи с районами и на постановку нелегальной техники.

Это обстоятельство не могло не отразиться на рабочем движении. Начиная с июня по сентябрь, забастовочное движение сошло почти на-нет, и только в октябре, когда продовольственный кризис достиг угрожающих размеров, когда с рынка внезапно исчезли предметы питания, питерские рабочие не выдержали и вышли с протестом на улицы в количестве до 150.000 человек.

После этой стачки, меньшевики, с целью отвлечения рабочих от революционных выступлений, выдвинули вопрос об усиленном кооперировании масс. Большевики в этой затее приняли участие, предоставив главную роль меньшевикам и эсерам. Так ноябрь и декабрь прошли в организации новых кооперативов. Фабриканты и заводчики помогали кооперации выдачей небольших сумм и отводом помещений для лавок. Как и следовало ожидать, кооперирование рабочих районов в полной мере удалось. Вся выборгская сторона покрылась сетью кооперативных лавок и распределителей. Но вся беда была в том, что в них товаров было ограниченное количество, и пайщикам все равно приходилось стоять целыми сутками в очередях. Таким образом спасительная

сила кооперации, в условиях того времени, потерпела неудачу, вслед за которой пришло и разочарование пайщиков. Кооперацию ругали так же, как и рыночных торговцев.

Пока оборонцы мудрили с вовлечением рабочих «в оборону страны» и в использование «легальных возможностей», в это время большевики, к концу 1916 года, завоевали себе большинство рабочих масс. Революционное настроение настолько повысилось, что очень часто весь так недавно пережитый нами кошмар забывался. Не чувствовалось разницы с настроениями 1913 и начала 1914 годов.

Вот то положение дел в 1916 году, о котором наша организация имела сведения. Состояние организации, несмотря на постоянные аресты, было вполне устойчивое. Устойчивость можно объяснить несколькими причинами: во-первых, ядро организации откристаллизовалось и, бросив, вернее, ослабив борьбу за легальные возможности, ушло глубоко в подполье, тем самым затруднив шпионаж; во-вторых, четко выявилась линия нашей партии и вообще интернационалистического левого крыла; в-третьих, установилась прочная связь с ЦК и другими районами и городами; и, наконец, в-четвертых, в противоположность благоприятно складывавшейся для большевистской организации обстановке, — в правительственных кругах была полная дезорганизация, буржуазия и всякого рода дельцы были заняты грабежом, интеллигенция увлечена мечтой о Дарданеллах,

меньшевики-оборонцы ушли в Военно-Промышленный Комитет и кооперацию.

Все это, вместе взятое, сильно способствовало росту и укреплению большевистских рядов.

К этому моменту заграничная нелегальная литература получалась довольно аккуратно, но удовлетворить возросшую потребность заграница уже не могла. Поэтому Петроградский Комитет большевиков организовал свою типографию, из которой вскоре вышел первый номер газеты «Пролетарский Голос». Но так как провокация, как говорилось выше, сидела и в Петроградском Комитете, то, естественно, типография просуществовала недолго. Петроградская организация опять осталась без газет и листовок. Потребность же с каждым днем увеличивалась, что понудило организацию на довольно рискованный для того времени шаг,—на захват частной типографии для печатания следующего номера газеты «Пролетарский Голос». По тем же причинам и это мероприятие не удалось. Вместе с газетой произведены были аресты активных участников (до 15 человек), печатавших и разносивших эту газету. Неудача с выпуском газеты, а также произведенные аресты породили у охранки некоторые надежды.

Вот почему накануне 9 января 1917 года начальник петроградского охранного отделения Глобачев в докладе высшему начальству о настроениях революционного подполья доносил: «Ряд ликвидаций последнего времени в значительной мере ослабил силы подполья, и ныне, по сведениям

агентуры, к 9 января возможны лишь отдельные разрозненные стачки и попытки устроить митинги, но все это будет носить неорганизованный характер».

На самом же деле, подполье не могло ослабеть из-за потери двух-трех десятков человек, так как в революционное движение были втянуты широкие круги рабочих, и кривая революции шла кверху. В то время, когда охранка докладывала, что подполье ослаблено, Петроградский Комитет нашей партии готовился поставить более солидную типографию. Через тов. Молотова и Шляпникова мне было поручено сделать две типографские кассы. Кассы были сделаны на фабрике «Эриксон».

Насколько изменилось отношение рабочих к нашей партии, если сравнить с первым периодом войны, показывает следующее. Все участвовавшие в работе по изготовлению типографских касс, между прочим, беспартийные, знавшие, что заказ выполняется для большевиков, именно для типографии, — работу выполнили самым добросовестным образом и бесплатно. А когда кассы были готовы и настала очередь их выносить из завода, то и тут проявили необыкновенное геройство. Дело в том, что у «Эриксона» существовал позорящий рабочих порядок: при выходе с фабрики сторожа производили обыски. Кроме того, столярные цехи проходили из фабрики в довольно узкую дверцу. Следовательно, пронести такую громоздкую вещь, как кассы, и быть незамеченным нельзя было. Протащить можно было только организо-

ванным порядком, да и то с большим риском. Человек десять столяров, окружив выносивших, оттолкнули сторожа и тем дали возможность проскочить с кассой.

Конечно, год тому назад сделать это было совершенно невозможно. Это показывает, насколько изменилось отношение рабочих к большевикам. Одновременно Выборгский райком нашей партии чрез тов. И. П. Жукова поручил мне постановку техники для обслуживания района.

Одним словом, бравый генерал из охранки просчитался, думая, что арестом типографии и двух-трех десятков подпольщиков мог расстроить ряды революции. Следующая справка показывает, сколь неосновательны были радужные надежды охранки. Под новый год в моей квартире собралось с разных заводов рабочих до 40 человек. 5 или 6 января в квартире Н. Г. Полетаева другие 40 человек, в том числе А. М. Горький. В квартире Д. А. Павлова то же самое. 9 января 1917 года в Петербурге забастовало до 150 тысяч рабочих. Между 10 и 15 января состоялась конференция района для обсуждения организационных вопросов,—о состоянии и настроении партийных масс в районе, о подготовке к празднованию 1 мая, о выступлении в день ленского расстрела и других. На конференции присутствовало до 30 человек. Это только маленький уголок, который мне был известен. Но Выборгский район это не весь Петербург, а Петербург еще не Россия.

Не безынтересно будет сообщить еще о настроении некоторых социал-демократических группировок.

Недовольство поведением меньшевиков-оборонцев проявлялось не только со стороны рабочих масс, но и со стороны группы меньшевиков, стоящих на платформе Циммервальдской и Кинтальской конференций. Так, «инициативная группа» меньшевиков выпустила воззвание к рабочим Питера, характеризующее их отношение к оборонцам.

...«Товарищи! Вы помните, что, посылая их в Военно-Промышленный Комитет, мы, рабочие Петрограда, давали им наказ, в котором поручали, чтобы они потребовали созыва всероссийского рабочего съезда, на котором должно быть выявлено наше отношение к современному положению, а также и к Военно-Промышленному Комитету. Мы считали их пребывание временным и вовсе не поручали говорить от лица всего российского пролетариата.

...Но они об этом забыли. Они забыли, что петроградский пролетариат чрез головы выборщиков вовсе не поручал им говорить от своего имени языком национал-социализма, языком оборончества».

Хотя это был, по тому времени, ясный язык по отношению к оборончеству, но левые группы меньшевиков все же не могли сколько-нибудь значительно влиять на рабочие массы, не могли объединить их вокруг своей платформы. Одно назва-

ние «инициативная группа» говорило за то, что это нечто случайное, а не центр, вокруг которого могли бы группироваться силы. Кроме того, эта часть меньшевиков, со свойственной им тактикой, всегда не в меру уделяла свое внимание второстепенным вопросам, например, крайне критическому положению с продовольствием. Вместо того, чтобы вести борьбу с первопричиной, они все свое внимание и свои силы тратили на борьбу с большевиками и на организацию кооперативов и общественных столовых. Конечно, и большевики уделяли кооперации необходимое внимание, но войне, государственной системе, организации масс вокруг этих вопросов — гораздо в большей степени. Поняв эти обстоятельства, революционная часть меньшевиков-интернационалистов, — рабочие А. К. Скороходов, И. Д. Чугурин, Е. А. Афанасьев-Климанов, А. Серебров, И. И. Александров, — повела с нашей группой переговоры о слиянии. Организационное слияние произошло на следующей платформе:

«Обсудив текущий момент и приняв во внимание 1) быстрое нарастание народного недовольства и революционной энергии пролетариата; 2) наличность устойчивых объективных причин, питающих эти недовольство и революционность и долженствующих в недалеком будущем привести пролетариат к открытой революционной борьбе; 3) почти полное отсутствие организованности и дисциплинированности пролетарских масс; 4) крайнюю слабость организованности элементов революционной

социал-демократии, как в смысле организованности авангарда движения, так и в смысле идейного руководства им; 5) грозящую опасность дезорганизованности предстоящего движения, могущего местами вылиться в форму голодных бунтов и погромов, местами подпасть под идейное влияние либеральной буржуазии, рабочих либеральных политиков или иных политических проходимцев,— совещание признало первоочередной задачей момента сплочение всех активных элементов революционной социал-демократии и полное организационное слияние большевиков и меньшевиков, стоящих на почве решений Циммервальдской и Кинтальской конференций, и подчинение всей практической работы единому центру. В целях практического осуществления этой задачи, совещание постановило: 1) принять активнейшее участие в работе заводских социал-демократических коллективов; 2) организовать таковые коллективы, где их нет; 3) войти в близкое сношение с Петроградским Комитетом и Бюро ЦК и 4) наладить информационные связи с думской фракцией и некоторыми другими учреждениями». Согласившись объединиться на этой платформе, наша группа послала ее на утверждение ЦК, хотя, как оказалось впоследствии, этого не требовалось, так как перешедшая к нам группа меньшевиков-интернационалистов в полной мере подчинилась Петроградскому Комитету большевиков. К этому моменту наша группа объединяла до 20 старых опытных подпольщиков, главным образом, рабо-

чих с разных заводов: А. К. Скороходов с завода «Дюфлон»; А. С. Куклин с зав. «Старый Лесснер»; И. Д. Чугурин с зав. «Промет»; А. Серебров с зав. «Трубочный»; Н. Свешников с зав. «Старый Лесснер»; И. И. Александров с зав. «Зимин и Зеленов»; Константин Лебедев с зав. «Айваз»; П. М. Макаров с зав. «Металлический»; В. Каюров с зав. «Эриксон»; П. В. Замятин с зав. бывший «Франко-Русский». Кроме того, Д. А. Павлов с зав. «Русско-Балтийский», Е. А. Афанасьев, В. А. Шелгунов, М. Г. Павлова, П. Н. Мостовенко, И. П. Ладыжников, К. М. Шведчиков и другие.

Убедившись в отсутствии в своей среде провокации и шпионажа, наша группа решила в первую очередь захватить в свои руки районный комитет Выборгской стороны, так как там чувствовалась рука провокатора. Скоро нам удалось провести тов. Чугурина в Выборгский райком, а тов. Скороходов прошел в Петроградский Комитет. Мне было поручено заполучить в свои руки районную типографию, что тоже удалось, но, благодаря провокации члена райкома Мулыгина, типография под предлогом, что я долго задержался с ее пуском в ход, из моих рук была изъята и, конечно, через пару дней была арестована.

Кроме того, члены группы обслуживали некоторые нелегальные кружки в качестве пропагандистов, выступали на митингах. Увидев, что во многом имеются удачи, мы решили еще расширить группу, за счет представителей с заводов. Первый

же представитель с завода «Айваз», Шурканов, к несчастью, оказался провокатором.

Наш кружок был, кроме всего, хорошо связан с Бюро ЦК через тов. Шляпникова, а о настроении правящей верхушки получали информацию от Горького.

Между прочим, группа обсуждала вопрос о перспективах войны. Все были уверены, что она кончится поражением России и что она вызовет революционный взрыв. Но откуда революция сделает прорыв? Большинство склонялось к тому, что революция начнется с фронта. Но в связи с поражением России предполагали, что ни одна из европейских группировок русскую революцию в покое не оставит, то-есть какая-то из них получит временную гегемонию над Россией. Но гегемония какой из группировок будет для России выгоднее? В связи с этим, на одном из наших собраний нам был сделан доклад А. М. Горьким, неоднократно бывавшим на наших собраниях. Алексей Максимович, нарисовав нам сравнительные достоинства двух культур—английской и немецкой, склонялся в пользу английской культуры, у которой имеется-де, больше цивилизующих моментов, чем у немецкой. Хотя собрание и соглашалось с выводами Горького, но указывало, что, кроме «благих пожеланий», имеются другие, осложняющие факторы как, например, соседство, через которое не всегда прыгать выгодно.

Несколько слов о превосходстве той или иной культуры, вернее, — какой ориентировки держаться: немецкой или английской.

Об этом говорилось в те времена очень много. Но в каких бы красках ни разрисовывали «благородные» цели союзников, как бы ни кричали наши русские так называемые культурные люди о превосходстве английской, французской культуры над немецкой, русский рабочий в своем огромном большинстве не мог постигнуть этой премудрости. Он так же не мог бы понять и того, кто начал бы доказывать и обратное. В особенности трудно было убедить в этом петербургских рабочих, имевших в те времена большой опыт. Дело в том, что тогдашний Петербург, вернее, его промышленность представляла собой такой конгломерат, какой едва ли где можно встретить. Вот первые попавшиеся фамилии владельцев фабрик и заводов: рядом с русскими фамилиями там были Штиглиц, Лангензипен, Розенкранц, Парвиайнен, Лесснер, Нобель, Эриксон, Тильманс, Сименс-Шуккерт, Вестингауз, Артур-Коппель, Струк, Рейхель и пр. Помимо этого, иностранные капиталисты скрывались за общим названием какой-либо акционерной компании, как, например, «Невская ниточная мануфактура».

Следовательно, петербургский рабочий многократно испытывал прелести то немецкой культуры (читай эксплоатации), то английской, французской, шведской, бельгийской и, конечно, русской. Сравнивать было чего. И хотя все фабрики и заводы

находились в одном городе, подчинялись одному закону, но особенности той или иной «культуры» отражались, а иногда особенно ярко. Один метод внедрения «культуры» считаю необходимым привести здесь.

Громаднейшая фабрика «Невка» на Выборгской стороне с несколькими тысячами рабочих, главным образом, женщин и подростков. За «Невкой» скрывался английский капитал, руководители на фабрике были англичане.

Напротив «Невки» стояло шестиэтажное здание телефонной фабрики «Эриксон». Из окон фабрики «Эриксон» рабочие могли любоваться не менее двух раз в неделю следующей, весьма красочной по моему мнению, панорамой. С 7 часов утра к фабричным воротам «Невки» собирались жаждущие работы. Около 9 часов к воротам выбегал с фабрики неизвестный чин. Ворота раскрывались, и жаждущие работы пропускались во двор и выстраивались «во фронт», нередко в два ряда. Через несколько времени к фронту подходил англичанин, важно, с трубкой в зубах, в круглой, как шар, шляпе с двумя спереди и сзади козырьками, в шляпе «здравствуй и прощай», как ее называли питерские рабочие. Остановившись перед выстроившимися работницами, как царский генерал перед солдатами, не вынимая трубки, долго всматривается в истощенные, бледные лица. Как себя чувствовали работники перед надменным, как бы гипнотизирующим, полным нахальства взором властелина, я не знаю, так как сам этого не испытывал, но

надо думать, что, во всяком случае, как сильно провинившиеся.

Насмотревшись столько, сколько, видимо, требуется, он, наметив жертву, грациозно, легким движением пальца вызывал ее из «фронта» к себе. Не глядя на жертву, через переводчика ведет допрос работнику. В результате у жертвы отбирается документ, и она тогда отходит в сторону для дальнейшего фильтрования. Или если не подходит почему-либо, то работник после такой утомительной процедуры уныло выходит за ворота.

Эта черта обращения с рабочими, надо думать, свойственна только колонизаторам.

Эта картинка мне всегда напоминала некие века, когда на рынках происходила торговля рабами Этой картинкой нередко мы любовались для того, чтобы убедить того или иного упрямого рабочего, подпавшего под влияние оборонцев, доказывавших преимущество союзнической культуры над немецкой. В последнем случае мы всегда приводили басню о телеге и санях, споривших между собой о том, кого из них больше любит лошадь.

Дело, видимо, вкуса.

У немцев, усвоивших приемы русской буржуазии, была другая тактика, чем у англичан. Хотя рабочие эксплоатировались не менее, чем у англичан, но поведение немцев казалось как-то человечнее, менее нахально, чем у англичан. С немцем, хозяином или мастером,—как говорили некоторые рабочие,—можно было даже спорить и ругаться, и если за это рабочий выгонялся с завода, то че-

рез известный промежуток времени можно было на работу поступить обратно. Но там, где управляли англичане,—этого делать было нельзя. Если же все-таки такие казусы случались, то для рабочего эти фабрики и заводы надолго были закрыты [1].

Не лишне, для характеристики условий, в которых нашей партии пришлось работать в эти беспримерно тяжелые годы, привести еще одну деталь.

В то время как рабочий класс Питера терпел невзгоды войны—голод, холод—и напрягал свои мускулы у станков на изготовление предметов, нужных для продолжения нелепой бойни; когда лучшая его передовая часть проявляла необычайную энергию в борьбе против самодержавия и капитала,—в это кошмарное время среди рабочих находились их же товарищи, которые ради своих корыстных целей продавали борцов за рабочее дело. Это так называемые провокаторы. О шпиках-профессионалах, о добровольных предателях, которых в это время расплодилось больше, чем требовалось,—здесь я и не упоминаю.

Эти предатели наносили колоссальнейший ущерб делу революции, делу освобождения рабочего класса. Благодаря их предательству, тысячи луч-

---

[1] Редакция считает необходимым отметить, что эти рассуждения автора относительно английской и немецкой ориентации чрезвычайно характерны в том отношении, что они служат ярким показателем того, насколько в годы империалистической войны проповедь „гражданского мира“ и пропаганда социал-оборонцев затуманивали классовое сознание даже наиболее развитых в политическом отношении слоев пролетариата.

ших товарищей гнили в тюрьмах, ссылках,—нередко погибали на виселицах. Трагичность подпольщика заключалась в том, что эти грязные личности, связанные с охранкой, в большинстве своем пользовались в партии неограниченным доверием, были в курсе всех партийных дел, часто сами были инициаторами тех или иных партийных мероприятий.

О парочке таких предателей я и хочу здесь рассказать.

Вот Мульгин. Рабочий по профессии, работал на заводе «Новый Парвиайнен», в подпольной работе проявил чрезвычайную энергию и был избран в районный комитет Выборгской стороны. Часто выступал на собраниях и заводских митингах. Рабочие знали его под прозвищем «Милюков». Однажды он выступил на митинге рабочих завода «Новый Лесснер». Несомненно, на митинге были шпики, один из которых, услыхав кличку «Милюков», донес охранке о выступлении Милюкова. Дальше слух о выступлении «Милюкова» дошел до настоящего П. Н. Милюкова, члена Государственной Думы; последний поспешил опровергнуть в печати этот слух, хотя его опровержения и не требовалось, так как каждый мало-мальски логично мыслящий человек знал, что Милюков по своим убеждениям далеко отстоял от рабочих.

Вот с этим-то провокатором Мульгиным мне и пришлось познакомиться на подпольной работе через тов. А. К. Скороходова. Будучи также в курсе партийных дел в районе, я стал присматри-

ваться к действиям Мульгина. Натолкнуло меня на критическое отношение к нему то обстоятельство, что он проявлял очень большую активность в районе и оставался в то же время «неуловимым», меж тем как ряд товарищей, более скромных и осторожных, неизменно проваливался. Имея такого рода прецеденты в прошлом, я решил быть осторожным. На предложение тов. Скороходова ввести Мульгина в наш кружок «стариков» с моей стороны без особых мотивов был сделан отвод, и кандидатура его провалилась.

Из предыдущего видно, с какой быстротой нарастала революционная ситуация. Партия должна была заострить вопрос организационный, то-есть собирание сил, укрепление организации. Во всей широте встал вопрос о постановке типографии.

Что же делал Мульгин?

Он, возглавлявший районный комитет, форсировал революционную пропаганду и агитацию, тем самым вызывая на преждевременное выступление. Молодые товарищи из райкома поддерживали в этом Мульгина, а у нас, «стариков», не было достаточно причин для срыва его авторитета, но критическое отношение к нему росло.

Зная, что Петроградский Комитет партии ставит большую типографию для издания газет и брошюр, наш кружок «стариков» на одном из заседаний поручил мне захватить районную типографию, которую мы полагали использовать в том случае, если провалится типография Петроград-

ского Комитета, и, кроме того, для обслуживания своего района. Я переговорил о передаче мне типографии с членом райкома тов. И. П. Жуковым, который с моими предложениями согласился и обещал переговорить с другими членами райкома. На следующий день я получил согласие райкома и начал подготовляться к постановке. В качестве техника я пригласил тов. Михаила Полякова, бывшего рабочего завода «Эриксон». Затем поиски квартиры затянули время постановки недели на две. Наконец, все уже было готово,—оставалось два-три дня для собственного наблюдения за квартирой, как вдруг тот же Жуков приходит и заявляет, что райком постановил изъять у меня типографию, так как необходимо срочно выпустить листовки. Имея подозрения на Мульгина, я спросил тов. Жукова:

— Кто первый поставил этот вопрос в райкоме? Не Мульгин ли?

— Да,—ответил тов. Жуков.

Этот инцидент еще более усилил мои подозрения против Мульгина. Дело в том, что, взяв на себя постановку типографии, я поставил условием тов. Жукову, что всякие сношения по этому делу должны вестись только через одного т. Жукова. При такой постановке дела из поля зрения Мульгина ускользало важнейшее партийное орудие, каковым являлась типография. Когда Мульгин увидел, что типография ускользает от его наблюдения, он так забеспокоился, что поставил вопрос в

районном комитете о необходимости немедленно пустить ее в ход.

После описанного случая я всячески старался избегать встреч с Мульгиным, но это не удалось.

В первые дни января 1917 года ко мне явились Мульгин и Жуков для обсуждения вопросов, связанных с созывом районной партийной конференции. Предоставив им комнату, я старался избегать разговоров по этому поводу. Сговорившись относительно техники, созыва и порядка дня, т. Жуков на минуту зачем-то вышел из комнаты. Воспользовавшись его уходом, я подошел к Мульгину и в упор спросил:

— Кто является инициатором созыва конференции, и какая надобность в этом?

Несколько смутившись, Мульгин в свою очередь задал мне вопрос:

— А почему вы спрашиваете, товарищ?

— Чтобы знать, кто за нее ответствен.

— Ну, хотя бы я,—вызывающе бросил Мульгин.

— В таком случае мне больше ничего и не надо,—ответил я. По возвращении т. Жукова, мне тут же поручено было подыскать квартиру для конференции. Квартира была дана т. И. Маховым, столяляром зав. «Эриксон», по 2 Муринскому проспекту.

Насколько мне помнится, числа 10—12 января конференция состоялась. Расстановкой патрулей ведал Мульгин. По дороге на конференцию я обдумывал, как спасти конференцию от возможного провала. Явившись на квартиру Махова, я застал там человек десять собравшихся товарищей, в том

числе и представителя ПК тов. Шутко. Остальные товарищи, видимо, опоздали. Воспользовавшись этим, я пошел к патрулям и на свой риск снял их, указав им другие места, чем, полагаю, несколько задержал открытие конференции. Когда собралось человек тридцать, Мульгин предложил избрать президиум, прочитал намеченный порядок дня и взял слово для внеочередного заявления. Он возбужденно доложил, что кто-то из присутствующих самовольно нарушил дисциплину, то-есть перевел патрули в другое место, и предложил собранию вынести за такой поступок порицание. Порицание было вынесено.

Мое ли поведение по отношению к Мульгину или что другое, только вскоре после этой конференции Мульгин заявил райкому, что он больше оставаться в Выборгском районе не может, так как за ним якобы «следят», и перешел в Московско-Нарвский район.

Это один тип провокатора, от которого наш район избавился. Другой тип прямо противоположен первому. Это Шурканов, рабочий завода «Айваз», пользовавшийся в районе неограниченным доверием. Шурканову не нужно было вести партийную работу так энергично, как Мульгину; с него было достаточно того, что от него ничего не скрывали и что к нему, как к весьма «конспиративному» товарищу, стоявшему как бы не у дел партии, посылались на ночевки нелегально проживающие товарищи, устраивали у него на квартире явки, не исключая тов. Шляпникова, как представите-

ля ЦК. Правда, как я упоминал выше, мне один раз удалось ему сделать отвод в наш кружок «стариков», как и его коллеге Мульгину, но зато во второй раз по настоянию айвазовцев, Никиты Назарова и Константина Лебедева, Шурканов был кооптирован, так как у меня не нашлось мотивов для отвода. Так как квартира Павловых на Сердобольской ул., д. № 35, одновременно являлась штабквартирой для бюро ЦК, где также хранилась нелегальная, в том числе и заграничная литература, печать и прочее, и она же являлась и главной квартирой нашего кружка «стариков», то станет ясным, какой большой плюс получил Шурканов, войдя в наш кружок, чем, конечно, он и воспользовался. В его донесениях охранке, найденных после Февральской революции, подробно описывается знакомство с этой квартирой и приводятся предположения о ее значении. Только перед самой Февральской революцией о Шурканове сделал предостережение бывший член Государственной Думы тов. Полетаев, ближайший друг Шурканова, хотя это предостережение было высказано им довольно осторожно, в роде того, что, «кажется, Шурканов живет не по средствам», — и только.

Этим не ограничивается роль провокаторов в Выборгском районе. Как потом выяснилось, у меньшевиков был матерый провокатор, тоже рабочий, член Военно-Промышленного Комитета Абросимов, у эсеров — рабочий Сурин, и все они играли в своих партиях важную роль. В начале 1916 года тов. Шляпников сообщил кое-кому о двух лицах,

подозреваемых в провокации, — это о Черномазове и еще о ком-то, до этого ни у кого не вызывавших сомнений.

Следовательно, как мы ни старались в отношении подбора товарищей, какие бы меры ни принимали в целях избегнуть провала организации, — этого никак не удавалось: предатели были, работали и в низовых и в высших организациях по нескольку лет.

Дело доходило до того, что когда приехал из-за границы тов. Шляпников и когда мы с ним познакомились через Максима Горького, то пришлось несколько раз испытывать Горького, — давно ли он его знает и как знает. Когда тов. Полетаев сообщил Дм. Ал. Павлову свои подозрения в отношении Шурканова, то Павлов был так поражен, что заставил меня перебрать всех товарищей нашего кружка, в том числе и себя, и меня, — кто из нас может быть провокатором... Зная многих товарищей по 20 лет по совместной работе, было тяжело перебирать имена товарищей, выискивая в них такую мерзость.

— Нет, — говорю, — Митя, я не могу найти в нашей среде предателя.

— А ты, — спрашивает Митя, — веришь, что я не предатель?..

Вот каковы были разговоры в то время среди двух задушевных товарищей, знавших друг друга по 20 лет.

Тяжелые разговоры.

УРАГАН

Накануне «женского дня», в ночь на 23 февраля, я был командирован в Лесной на собрание женщин. Охарактеризовав значение женского дня, женского движения вообще, я тут же указал на текущий момент и, главным образом, призывал воздерживаться от частичных выступлений и действовать исключительно по указаниям партийного комитета.

В возможности проведения на местах постановления районного комитета я был убежден.

Но каково же было мое удивление и возмущение, когда на другой день, 23 февраля, на экстренном совещании из пяти лиц в коридоре завода «Эриксон» товарищ Никифор Ильин сообщил о забастовке на некоторых текстильных фабриках и о приходе делегаток-работниц с заявлением о поддержке их рабочими других заводов.

Это выступление текстильщиц означало явное игнорирование постановления районного комитета партии, а затем — сам же я еще накануне призывал работниц к выдержке и дисциплине. И вдруг забастовка. Казалось, для этого не было ни цели, ни повода, если не считать особенно увеличив-

шихся очередей за хлебом, которые в сущности и были толчком к забастовке. Но факт налицо; приходится с ним считаться; надо так или иначе на него реагировать. Совещание продолжалось уже с меньшевиками и эсерами; приняли (надо оговориться, — скрепя сердце) решение поддержать забастовавших работниц, при чем мое предложение, что раз решаем выступать с протестом, то своевременно повести на улицу всех рабочих без исключения и самим встать во главе забастовки и демонстрации, было принято. Тотчас, через товарища Ивана Жукова, наше постановление довели до сведения районного комитета.

И удивительная вещь, ни районный комитет, ни представители рабочих по цехам не были удивлены подобным постановлением; ясно: мысль о выступлении давно уже зрела среди рабочих, только в тот момент никто не предполагал, во что оно выльется... Никто не думал о такой близости революции. День 23 февраля у эриксоновцев закончился встречей у ворот фабрики с казаками. Появление казаков казалось неожиданным. За последнее время забастовки проходили при «благосклонном участии» полиции, а тут казаки. Возмущение усилилось, и в то же время принимались меры к агитации среди последних. «Казаки обещают не стрелять», — вот общий вывод всех товарищей, беседовавших с ними. Заманчиво. Хотелось верить. Но опыт долголетней борьбы рабочих не давал ни одного случая неподчинения казаков своему начальству; кроме того, ведь они взяты с

фронта, — следовательно, выбор должен быть безошибочным. События последующих дней резко изменили направление мысли.

Утром 24-го эриксоновцы (а также все рабочие Выборгской стороны, численностью до 70 тысяч) к работам не приступали. Выслушали доклад и всей массой в 2.500 человек вышли на улицу на Сампсониевский проспект для демонстрирования на улицах Петрограда своего лозунга «хлеба!».

Проспект в этом месте очень узкий и оказался буквально закупоренным массой эриксоновцев. С трудом выстроились в колонну и двинулись в сторону Литейного моста. Впереди демонстрации, саженях, примерно, в восьмидесяти, выстроились казаки.

Становилось жутко, деваться некуда в случае нападения казаков, взоры всех были направлены в одну точку, а тут прибывали и прибывали массы рабочих с других заводов.

Но вот раздалась команда офицеров. Казаки с обнаженными шашками бросились на нашу ничем не защищенную, безоружную колонну.

Сердце сжалось, глаза наполнились ужасом, мысль усиленно работает: защищаться нечем, бежать некуда, что останется от нашей колонны?

Грудью коней пробивая себе дорогу, с глазами, налитыми кровью, первыми врезались в толпу офицеры; за ними скачут во всю ширину проспекта казаки... Но, о радость! Казаки бросились гуськом в только-что пробитый офицерами кори-

дор. Некоторые из них улыбались, а один хорошо подмигнул рабочим. Радости не было конца. Крики ура. «Ура казакам» неслось из тысячи грудей. Да и было чему радоваться: первая попытка прошла благополучно, без жертв с нашей стороны, а улица буквально запружена народом: впереди нобелевцы, парвиайненцы; сзади получился интервал благодаря выстроившимся казакам, а за ними ново-лесснеровцы, айвазовцы и прочие. Толпа достигла 30—40 тысяч.

Но вот последовала вторая команда, и снова атака на нашу усилившуюся колонну, но теперь уже с тыла. Повторилась та же история, что и в первый раз.

Третий и четвертый раз опять то же: только на лицах офицеров была боязнь за свою шкуру; у казаков же бегали огоньки радости в глазах.

Атаки больше не повторялись: офицеры увидели всю бесполезность их...

Казаки снова были выстроены впереди нас. Передовые части демонстрантов вплотную подошли к ним, начали вести разговоры о житье-бытье. Указывали на мирный характер наших требований, а с боков улиц все прибывали и прибывали новые ряды запоздавших рабочих. Офицеры, видя казаков мирно беседующими с рабочими, оттянули их назад и пытались еще раз преградить путь демонстрантам уже около клиники Виллие, но тоже безуспешно: казаки, стоя на месте, не препятствовали «нырянию» под лошадей.

Таким образом дошли до Литейного моста, где

и соединились с рабочими Полюстрова и Большой Охты. Через мост всей массе перебраться не удалось: он охранялся казаками и полицией.

Полицией командовал какой-то полицейский чин — седой старик. Вступили с ним в переговоры о пропуске через мост, он вначале пытался отговорить от этого, а потом, заметив прорвавшуюся посредством только-что открытого способа «ныряния» часть демонстрантов приблизительно в пятьсот человек, скомандовал «в нагайки»... Полиция бросилась на прорвавшихся и начала хлестать. Избиваемые стали стыдить конных полицейских и указывать на нейтральных казаков. Полицейские, видимо, смутились, но думаю, что не из-за угрызения совести, а исключительно из боязни казаков.

Пользуясь их замешательством, я подговорил некоторых товарищей стащить с лошади особенно рьяно хлеставшего старика. Подскочило несколько человек, стали стаскивать, но он был сбит подоспевшими на помощь полицейскими.

К этому моменту широкая Нижегородская улица, насколько можно было ее видеть с моста, буквально была запружена рабочими; магазины все были закрыты, а служащие вольно и невольно вливались в эту толпу. Вооруженную полицию и казаков, притом занявших выгодную позицию, взять приступом, не имея оружия, демонстрантам было трудно. Они ожидали результатов от головной группы, стоявшей перед полицией и казаками. У всей толпы демонстрантов было одно желание:

продемонстрировать всей массой в буржуазных кварталах Петрограда. Задержка нервировала массу. В это время мы увидели бегущих с другого конца моста товарищей, ранее прорвавшихся, которые рассказали, что в них откуда-то стреляли и что есть убитые и раненые.

Итти дальше одни мы не решались. Тогда кто-то крикнул:

— Товарищи, через лед!

И вот лед с обеих сторон моста усыпался людьми, точно муравьями. Что дальше происходило на мосту, я не знаю, так как я успел через лед уйти на Невский.

На Невском собралось достаточно публики. Рабочие, сгруппировавшись, с пением революционных песен двинулись вдоль улицы; полиция совершенно исчезла. Позднее толпа демонстрантов немного изменилась,—в ней уже замелькали синие фуражки студентов. Гуляющая публика относилась к нам сочувственно, а из некоторых лазаретов солдаты приветствовали нас, кто как мог. Казаки беспрерывно нас «атаковали», лошади их были в мыле; начальство же еще раз убедилось в бесполезности атак, совершенно прекратило их, выстроив затем казаков около Казанского собора. Но вот, ругаясь отчаянным образом, появились полупьяные драгуны с пиками. Они врезались в толпу и стали бить пиками по головам участников демонстрации. Революционно настроенная масса крепилась, не разбегалась.

Вот небольшой эпизод, который ярко характеризует настроение толпы.

На маленькую группку, людей, стоявших на мосту Екатерининского канала и, видимо, отбившуюся от общей массы демонстрантов, нагло ругаясь, налетели драгуны. Молодой драгун подскочил к весьма пожилому участнику, по-моему, очень мало похожему на рабочего, и, замахиваясь на него шашкой, цинично ругаясь, крикнул:

— Чего тебе надо тут, старый чорт?..

Старик от неожиданности в первый момент опешил; затем начал стыдить драгуна, указывая на стоявших в стороне казаков и их примерное поведение, и в заключение, распахнув одежду, подставил грудь:

— Молокосос, тебе надо крови голодного человека—бери!

Пристыженный драгун немедленно как-то неловко повернулся и ускакал к своим.

К вечеру масса демонстрантов стала еще гуще; прибыли рабочие из других районов и уже не могли вместиться на Знаменской площади, где в это время с памятника Александра III говорили ораторы.

До самого вечера драгуны и казаки снова и снова атаковали демонстрантов, тем самым мешая правильному движению демонстрации и разъединяя ее на части. Как только стемнело, стали расходиться по своим районам. Потерь с нашей стороны я не замечал.

25-го утром на заводах снова были митинги.

В этот же день Петроградский Комитет большевиков выпустил воззвание, содержание которого соответствовало настроению рабочих масс.

«Жить стало невозможно,—говорилось в нем.—Нечего есть. Не во что одеться. Нечем топить. На фронте—кровь, увечье, смерть. Набор за набором Поезд за поездом, точно гурты скота, отправляются наши дети и братья на человеческую бойню.

Отправить братьев и детей на бойню, а самим издыхать от холода и голода и молчать без конца — это трусость, бессмысленная, преступная, подлая.

Все равно не спасемся. Не тюрьма—так шрапнель; не шрапнель—так болезнь или смерть от голодовки и истощения»...

Но воззвание было уже ненужно, так как движение приняло широкие размеры; нужно было только руководство этим движением.

---

24 и 25-го мне не удалось увидеться ни с одним пекистом, и даже с членом районного комитета, следовательно, о действиях наших ни с кем говорить не пришлось: было некогда,—чувствовалось, что наступил момент действий.

Таким образом, не посоветовавшись ни с кем, я собрал часть эриксоновского кружка и предложил купить красной материи. Было сшито два флага с лозунгами: «Долой самодержавие» и «Долой войну». Первый я передал Мише Полякову, а второй своему сыну Александру, при чем указал

ему, что выкинуть этот флаг можно будет только тогда, когда соберется большая толпа.

Из-за приготовления флагов я запоздал на Невский. Когда пришел, увидел снова громадное количество людей, с памятника снова говорили ораторы.

Наконец, появились знамена. Повторяется та же история с атаками,—знамена не надолго скрываются; но как только атакующие казаки и драгуны прорежут толпу, они опять колышутся над толпой. Вот масса двигается под флагами «Долой войну». Казак налету вырывает у сына знамя и, проскакав с ним несколько десятков сажен, высоко подняв, отрывает затем от древка и прячет в карман. Знаменосец бежит за казаком и упрашивает его вернуть знамя; казак, незаметно для своего начальства, выбросил его.

Между тем толпа на Знаменской, около памятника, становится все гуще и гуще. Говорят ораторы. Подошел и я с товарищем лесснеровцем послушать. Некоторые из них звали на поддержку Думы, за ее требования ответственного министерства, и только тут я вспомнил о Думе, о том, что где-то заседают «народные» представители, ждут нашей поддержки и, вероятно, надеются на нее. Но предаваться размышлениям долго не пришлось. Примчавшаяся во весь опор конная полиция врезалась в толпу и начала избивать: вся масса бросилась врассыпную по улицам, остались только одиночки дерущихся; я и товарищ-лесснеровец

не побежали, а, сняв шапки, подошли к казакам со словами:

— Братья казаки, помогите рабочим в борьбе за их мирные требования. Вы видите, как разделываются фараоны с нами, голодными рабочими. Помогите!

Казаки как-то особенно переглянулись, и не успели мы отойти, как они бросились в происходящую свалку. Вначале я подумал, что они спешат на помощь полиции, но нет,—завидев казаков, полиция бросилась наутек, казаки за ними. Что произошло между ними, я не мог рассмотреть. Подбегаю к вокзальным воротам и вижу: качают на руках казака. Оказывается, он зарубил шашкой полицейского пристава, которого на моих глазах добивали лопатой, которой сгребали дворники снег у ворот вокзала.

Стычка казаков с полицией имела колоссальное влияние на массы. «Казаки за нас»—вот определение поведения казаков. А они уже снова стояли на прежнем месте, как ни в чем не бывало. Офицеры находились от них в отдалении и о чем-то, видимо, совещались. Полиция совсем исчезла; но зато появились, с ружьями на перевес, солдаты. На мой вопрос солдатам: «Неужели, товарищи, вы пришли помогать полиции», получаю: «Проходи!». Вторая попытка заговорить окончилась тем же. Обошел кругом Знаменскую площадь и догнал по Невскому демонстрацию, дошел с нею до Казанского собора. Тут откуда-то появилась конная полиция, бросилась в толпу. Произошла свалка, по-

слышались крики, битье стекол и где-то выстрелы; стреляли солдаты Павловского полка в бегущих от демонстрантов полицейских. Толпа опять начала двигаться по направлению к Знаменской площади, а в то же время вооруженные солдаты выстраивались, загораживая все улицы и переулки. Особенно плотные шеренги солдат были выстроены поперек Садовой и вокруг Гостиного двора.

Масса лихорадочно наблюдала за этими приготовлениями, но, охваченная энтузиазмом, не хотела верить, что солдаты будут стрелять. Демонстрация в этом месте достигла громадных размеров, передние ряды под напором массы продвигались все ближе к солдатам, наконец достигли того, что острия штыков упирались в грудь передних рядов. Сзади слышалось еще пение революционных песен, а впереди происходила смятение. Женщины кричали со слезами на глазах солдатам:

— Товарищи, отнимите ваши штыки, присоединяйтесь к нам.

Солдаты волнуются, бросают быстрые взгляды на своих товарищей, еще секунда—и штыки полегонечку поднимаются, скользят по плечам наступающего первого ряда. Громовое «ура» потрясает воздух: то ликующая толпа приветствует своих братьев в серых шинелях. Солдаты оказались в массе демонстрантов, перемешавшись с ними; их вскоре куда-то убрали.

На смену уведенным частям явились два взвода хорошо обмундированных солдат учебной команды; построившись в ряды, они преградили Нев-

ский около городской думы, другая часть построилась в таком же порядке—на мосту Екатерининского канала. Демонстранты были еще далеко впереди. Я пошел узнать настроение этих солдат. Человек 15 рабочих и я повели между ними агитацию. Офицер, командовавший ими, несколько раз отгонял нас, но мы не отходили. Все-таки настроение солдат уловить не удалось. Демонстранты между тем приближались—надо было принимать меры более решительные. Я с несколькими товарищами, с одной стороны, Иван Измайлович Александров—с другой, стали цепляться за штыки и продолжали уговаривать команду не стрелять, но послышалось: «уйди», скрепленное нецензурной руганью. Пришлось отойти в сторону и уже оттуда кричать им: не дело, мол, товарищи, затеваете. Наконец, услышали от стоявшего на левом фланге солдата шопот:

— Уберите офицера.

Моментально человек десять стали окружать офицера, а последний по неизвестной причине обернулся и, видимо поняв наше намерение, помахивая хлыстиком, с ласковой улыбкой обратился к нам:

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь!

Это дало нам повод предположить, что стрелять не будут, и мы отошли.

Демонстрация была в 50 шагах, уже видны знамена, Ив. Дм. Чугурин, с распахнувшейся грудью, и сын, идущий рядом с ним; и вот затрещали затворы, заиграл рожок, раздался залп, другой,

третий... Стоя во фронт рядом с солдатами, я следил за направлением винтовок: целились вверх. А может я ошибся. Смотрю на толпу, которая при первом залпе вся лежала на снегу, но, увидев, что все были целы, быстро поднялась, и опять громкое «ура» несется из тысячи грудей... Опять выстрелы,—но уже несутся крики и стоны...

Масса в паническом страхе разбегается, и только немного смельчаков остается убрать убитых и раненых, которых оказалось около 15 человек.

Демонстрация окончена, но на панелях толпится масса народа, обсуждая текущие события.

Факт стрельбы солдат в народ подействовал сильно; возбуждение было так велико, что и я, несмотря на поздний час, пошел в казармы к казакам узнать, нет ли каких новых распоряжений, и вообще узнать настроение казаков.

При входе в казармы, встречаю обвязанного казака, интересуюсь, что с ним: оказывается, кто-то ударил его лошадь, в испуге она его сбросила, отчего он получил ранение, и он тут же просит меня передать рабочим—всячески воздерживаться затрагивать казаков. Если казаки будут вызваны на активное противодействие, рабочим будет очень плохо. Разумеется, я обещал передать и от себя добавил, что сами рабочие ничего дурного казакам не сделают; если и случится какая-нибудь злая выходка, то это будет работа провокаторов, с которыми разделаются уже сами рабочие.

Утром 26-го собираемся на Невский, в то же самое время обсуждаем вчерашнее событие у го-

родской думы. Как-то сегодня? Неужели солдаты не присоединятся к нам? С такими мыслями подходим к Невскому. Вдруг раздается беспорядочная стрельба, трещание пулеметов—и навстречу нам искаженные ужасом лица бегущих. Жуткая картина ожидала нас на Невском: небольшое количество публики жмется по панелям, по направлению от Садовой к Казанскому собору и от Казанской к Знаменской расположена полиция и еще кто-то, вооруженные ружьями, и стреляют по всем направлениям. Казалось одно: восстание ликвидируется. Демонстрация безоружна, ничем не может ответить правительству, принявшему решительные меры. Кареты скорой помощи то и дело сновали по Невскому, увозя раненых и убитых. Публика не расходилась, а жалась ближе к домам, молодежь же травила городовых из-за углов.

С большим трудом, разными улицами и переулками, удалось пробраться на Лиговку, к Николаевскому вокзалу; скопление рабочих тут было очень большое, прорваться на другую сторону никак не удавалось: путь преграждался двойной цепью солдат. На просьбы некоторых о пропуске, солдаты предупредительно отвечали, что там стреляет полиция. Тут же недалеко от солдатской цепи происходил митинг, еще дальше продвигались демонстранты с пением революционных песен. Снова какое-то замешательство; среди массы происходит смятение; до ее слуха долетели шум и громыхание броневика. Своим появлением, сопровождаемым отчаянным стуком и грохотом, он наводит бук-

вально панику. Да и есть от чего прийти в ужас: там, за цепью солдат, на Невском беспощадно расстреливают рабочих. Тут же еще чувствуется дыхание революции, громадное скопление демонстрантов, пение революционных песен, в стороне перед толпой говорит оратор. Хоть на короткое время проклятая действительность исчезла, дала возможность легко и свободно подняться мысли ввысь, но зловещее громыхание броневика пробудило. Исчезли яркие краски пока, видимо, несбыточных мечтаний. На смену явилась мрачная действительность... С появлением броневика, казалось, должны были рушиться все шансы на революцию. Помощи нет и ждать ее пока как-будто неоткуда.

Часам к восьми Невский уже опустел. Я пошел домой и снова зашел в казармы к казакам, но нового у них ничего не получил. Как только пришел домой, мне передали, что меня приглашали в 10 часов вечера на собрание районного комитета на огороды. Здесь стали обсуждать текущие события и наше поведение на завтра. Были скептические замечания, что не пора ли призвать массу к окончанию забастовки. Выборгскому районному комитету пришлось поставить на обсуждение вопросы тактического характера, масштаба Петроградской организации, вследствие ареста Петроградского Комитета на квартире Куклина, провоцированного, по нашему мнению, провокатором Мульгиным.

Во время собрания я обратил внимание на новое лицо в солдатской шинели. На вопрос—кто это, сказали, что товарищ из броневого дивизиона.

Я запротестовал, на том основании, что вопросы обсуждаются чрезвычайно важные и непроверенных товарищей нельзя допускать на подобные заседания, объяснил то же самое и ему и просил нас оставить. Прощаясь с ним, заметил:

— Почему нам не помогаете?

— Помогаем,—отвечает смущенно товарищ.

— Чем?—спрашиваю.

Выясняется, что броневик на Невском был их, но, за отсутствием патронов и запасных стволов к пулеметам, они не могли стрелять в полицию.

— Так зачем же вы выезжали на улицу невооруженные? Ведь своим появлением вы ободрили полицию и внесли лишнее замешательство в ряды рабочих! Ну, а что будете делать завтра?

Товарищ обещает выехать в боевом порядке, так как уже все приготовлено. Отчаянная усталость и сильный мороз не дали закончить совещание, решили отложить на завтра утром в 8 часов и уже в расширенном составе собраться у меня на квартире. Собралось до сорока представителей от заводов и фабрик. ПК представлял товарищ Шутко, «Айваз»—провокатор Шурканов. Последний обратился к присутствующим с горячей речью, призывая во что бы то ни стало продолжать начатое, ни перед чем не останавливаясь.

Большинство также высказалось за продолжение; возражений почти не было. Собравшиеся ра-

зошлись по заводам, а т. Шутко, я и Шурканов остались договариваться о вечернем свидании.

Уже в самом конце нашей беседы вбегает весь сияющий К. М. Шведчиков и рассказывает, что делается в городе. Вслед за ним пришло еще несколько товарищей, уже освобожденных из «Крестов». Радость и возбуждение были неописуемы. Провокатор Шурканов со всеми расцеловался.

Все быстро разошлись. Я направился к Московским казармам. Казармы со всех сторон обстреливались рабочими. Солдаты не сопротивлялись, а, кто с винтовками, кто без них, перепрыгивали через забор и смешивались с рабочими.

Заметив растерянность солдат, я решил их использовать. Спрашиваю очень резко: почему они стоят и не примыкают к революции, и тут же скомандовал: «стройся». Это магическое слово подействовало—они выстроились. Но вот беда: дальше я не знал слов команды. Солдаты это моментально почувствовали и стали шептаться и усмехаться по моему адресу. Из неловкого положения меня выручил только-что прискакавший молодой безусый прапорщик. Последовала его команда, ряды выстроились—и двинулись к Лесному выводить из казарм команды пулеметчиков и самокатчиков; я же, весьма смущенный неудачей, остался с рабочими.

Совершилось... Солдаты за нас. Революционные массы победили. Надо принять и выполнить целый ряд неотложных задач. Для этой цели стал отъ-

искивать в толпе кого-либо из товарищей. Отыскать удалось М. Хахарева, Н. Назарова и К. Лебедева—рабочих завода «Айваз», с которыми я пошел к себе на квартиру, где стали советоваться, как быть. Я высказал мысль, что, в интересах нашей партии, надо выпустить от имени ЦК партии б-ов манифест, чтобы привлечь массы на свою сторону, чтобы ей стали понятны цели и задачи революции, и надо это сделать раньше, чем «очухаются» другие партии и группы, иначе может случиться, что руководство революцией возьмут в свои руки другие; со мной согласились и поручили написать манифест мне и Хахареву. Хахарев начал было писать под мою диктовку, а потом я продолжал один. Окончив воззвание, я понес его на квартиру Дм. Ал. Павлова, зная, что там находятся наши цекисты, нашел там товарищей Молотова и Залуцкого, предложил им проредактировать и немедленно сдать в печать. Проредактировали, сделали в конце добавление, приложили печать бюро ЦК и обещали передать манифест для печатания. Печатание было поручено В. Шмидту [1]. Манифест был отпечатан и расклеен по улицам.

Часов в 12 дня, 27 февраля, Петроград имел вид осажденного города, всюду была слышна ружейная стрельба и трещание пулеметов, крики сливались в один общий гул, высоко поднимались стол-

[1] По сообщению т. Молотова печатание манифеста было поручено т. Свешникову. Ред.

бы дыма от горевших окружного суда и полицейских участков.

Вышел на Сампсониевский проспект, подхожу к баракам, занятым самокатчиками, в воротах стоят солдаты. Спрашиваю:

— Что же вы стоите, товарищи?

Солдаты так нехорошо улыбаются, молчат, а офицеры грубо предлагают проходить дальше. Обращаюсь к группе рабочих и солдат: надо, мол, принять меры и вывести самокатчиков. Один из товарищей успокаивает, что уже все сделано, послано за броневиком, а иначе их трудно взять, так как они окопались и выставили пулеметы. Но массе было трудно ждать, и она стала осаждать бараки; послышались и с той и с другой стороны выстрелы, но взять их таким путем не представлялось возможным; решили сначала свалить забор, часть свалили, а часть подожгли. Самокатчики все бараки отстоять не могли,—их было 20,—перебежали во второй и третий и там засели. Часть свободных бараков тут же осаждающие подожгли. Пылающие бараки и сваленный окружающий их забор, пулеметная и ружейная стрельба, возбужденные лица осаждающих, примчавшийся грузовик, наполненный вооруженными революционерами, и, наконец, явившийся броневик со сверкающими стволами орудий — представляли собой великолепнейшую, незабываемую картину. Этот стальной революционер, остановившись саженях в десяти от бараков, дал 2—3 орудийных выстрела по засевшим офицерам и самокатчикам, в то же

время поливая их сильным пулеметным огнем. По прошествии нескольких минут ожесточенной перестрелки осажденные сдались.

Командующий защитой был убит, остальные офицеры, сняв погоны и знаки отличия, бежали через прилегающие к баракам огороды.

Теперь уже на Выборгской стороне не осталось ни одной воинской части, враждебной революции, и только городовики, засевшие с пулеметами на чердаках, нарушали общее ликование восставшей массы.

К вечеру, встретившись с товарищами по партии Монсыревым и Хахаревым, мы тут же на улице стали обсуждать продовольственное положение вышибленных из колеи и еще плохо ориентирующихся в текущих событиях солдат. Решено было помочь им в организации питательных пунктов, и уже поздно вечером 27-го начали функционировать несколько солдатских столовых.

Часов в 12 ночи увиделся с тов. Шляпниковым, который сообщил об организации Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, в который удалось пройти ему и еще нескольким видным работникам. Это сообщение, с одной стороны, радовало, а с другой—наводило на пессимистические рассуждения. Ведь в течение трех дней уличной борьбы массой руководили исключительно вожди из рабочих-большевиков, руководящих начал от партийных центров совершенно не ощущалось. ПК был арестован, а представителя ЦК тов. Шляпникова было трудно разыскать и полу-

чить директивы завтрашнего дня. К чему же это вело? В сильнейшей степени возбужденную революционную массу рабочих и солдат надо было удержать в своих руках, дальнейший ход революции надо подчинить своему влиянию, сделать же это при весьма ограниченном количестве рабочих руководителей мы не могли. Что революцию ждало впереди? При таком ходе вещей, плодами ее победоносного шествия может воспользоваться кто-то другой, но только не большевики, не рабочие. Эти мрачные размышления воскресили в памяти октябрь 1905 года, когда, словно грибы из-под земли в теплую дождливую погоду, повылезли друзья рабочих, но зато так же быстро и исчезли с горизонта рабочего движения, как только оно было подавлено.

В течение трех дней революционной борьбы я, как участник демонстраций, видел в качестве действующих лиц только рабочих и небольшую группу студентов. Больше того, флаг с надписью «долой войну» определенно не встречал сочувствия вождей меньшевиков и с.-р., прогуливавшихся по панелям Невского проспекта. В эти дни я всего больше боялся говорунов, которые явятся к рабочим и солдатам под видом «друзей». Поймут ли рабочие, как это опасно для них? Вот чем занята была голова, когда я утром 28-го вышел на Сампсониевский проспект.

Против фабрики Ландрина выстроились две роты довольно пожилых солдат инженерных войск; к ним подошел командир части и еще не-

сколько офицеров. Поздоровавшись с ними, командир обратился к ним с речью, приблизительно, в таком духе: «Поздравляю вас, братцы, с великим счастьем. Ненавистное всем правительство свергнуто. Образовалось временное правительство во главе с уважаемым всеми членом Государственной Думы князем Львовым. Теперь осталось одно — победить врага внешнего. Временное правительство призывает вас к успокоению, просит вернуться в казармы и попрежнему подчиняться своему начальству—гг. офицерам. А теперь прошу по местам в казармы». Несколько лиц крикнули: «Рады стараться», а большинство смотрело растерянно. От этой сладкой речи одного из посланцев «друзей» народа меня кольнуло точно электрической искрой. Кричу:

— Позвольте мне слово, г-н командир.

Разрешает.

— Товарищи солдаты,—начал я,—вы только-что слышали вашего командира, призывающего вернуться в казармы и снова подчиняться офицерам и ждать спокойно указаний от только-что организовавшегося временного правительства и комитета общественной безопасности, возглавляемых помещиками Львовым и Родзянко. Товарищи! Разве для замены одного помещика другим на улицах Петрограда проливалась в течение трех дней кровь рабочих? Разве для этого гибли тысячи пролетарских борцов? Нет. Пролетариат Петрограда не пойдет на заводы до тех пор, пока

не добьется своих прав, пока не отвоюет землю у помещиков. Мы сможем успокоиться только тогда, когда на место всякого рода «благодетелей» народа сядет сам рабочий, мужик. А теперь, господа офицеры, позвольте обратиться к вам. Если вы действительно хотите счастья народу, как вы говорите солдатам, то присоединяйтесь к нам. Так или нет? Отвечайте!

Молчание.

— Товарищи солдаты! Офицеры молчат, значит, они пришли с другой целью, а поэтому предлагаю их арестовать и из своей среды избрать командный состав.

Проносится гул одобрения. Тут же избираются ротные командиры. Выстраиваются по-ротно и с пением революционных песен повели своих офицеров. Но куда? В Думу... к Родзянко. К шествию присоединилось не меньшее количество рабочих, в том числе и член ПК т. Шутко, обратившийся с речью к идущим. Доведя эти роты до Думы, мы пробрались в Екатерининский зал, где Родзянко, председатель Думы, распинался перед приходящими солдатами. Он воспевал столетние боевые заслуги Московского полка перед «родиной», призывал поддержать честь своего полка и теперь, в дни грозной опасности родины.

Все это было, по моему мнению, устарелое, солдаты не об этом думали; это не гармонировало с их настроением. Я понял, что такие речи не страшны революции, и с этим вернулся в свой район.

Вернулся потому, что тактика данного момента диктовала: от массы уходить преждевременно, иначе будешь бит, что случилось в нашем районе с эсерами и меньшевиками, бросившимися в первую очередь занимать командные высоты.

По заводам в это время происходили выборы в Советы.

Манифест Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Ко всем гражданам России.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

Граждане! Твердыня русского царизма пала. Благоденствие царской шайки, построенное на костях народа, рухнуло. Столица в руках восставшего народа. Части революционных войск на стороне восставших. Революционный пролетариат и революционная армия должны спасти страну от окончательной гибели и краха, который приготовило царское правительство.

Громадными усилиями, кровью и жизнями, русский народ стряхнул с себя вековое рабство.

Задача рабочего класса и революционной армии создать временное революционное правительство, которое должно встать во главе нового нарождающегося республиканского строя.

Временное революционное правительство должно взять на себя создание временных законов, защищающих все права и вольности народа, конфискацию монастырских, помещичьих, кабинетских и удельных земель и передать их народу, введение

8-часового рабочего дня и созыв учредительного собрания на основе всеобщего прямого, равного избирательного права с тайной подачей голосов.

Временное революционное правительство должно взять на себя задачу немедленного обеспечения продовольствия населению и армии, и для этого должны быть конфискованы все полные запасы, заготовленные прежним правительством и городским самоуправлением.

Гидра реакции еще может поднять свою голову. Задача народа и его революционного правительства—подавить всякие противонародные контрреволюционные замыслы.

Немедленная и неотложная задача революционного правительства войти в сношение с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей и поработителей, против царских правительств и капиталистических клик и для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая навязана порабощенным народам.

Рабочие фабрик и заводов, а также восставшие войска должны немедленно выбрать своих представителей во временное революционное правительство, которое должно быть созвано под охраной восставшего революционного народа и армии.

Граждане, солдаты, жены и матери. Все на борьбу. К открытой борьбе с царской властью и ее приспешниками.

По всей России поднимается красное знамя восстания. По всей России берите в свои руки дело

свободы, свергайте царских холопов, зовите солдат на борьбу.

По всей России по городам и селам создавайте правительство революционного народа.

Граждане. Братскими, дружными усилиями восставших мы закрепили нарождающийся новый строй свободы на развалинах самодержавия.

Вперед. Возврата нет. Беспощадная борьба.

Под красное знамя революции.

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует революционный рабочий класс!

Да здравствует революционный народ и восставшая армия!

Центральный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ ИГАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Вступление	12
Волны	19
Обрыв	42
Рябь	57
Мертвая зыбь	85
Ураган	117
Приложение	140

Цена 60 коп.

9596

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

1) Правлению Издательства Политкаторжан — Москва, Г.С.П.-10, Лопухинский пер., 5; тел. 3-64-73.
2) Магазину Издательства Политкаторжан „МАЯК" — Москва-центр, Петровка, 7; тел. 4-18-12 и 3-63-20.